Двустворчатые двери еще купеческого магазина, отделанные медным орнаментом, давно не крашенные, но сохранившие былую красоту, с грохотом распахнулись и выплюнули на широкое крыльцо сразу упавшего на четвереньки мелковатого мужичка, залитого чем-то густым и белым.

Был это Викентий Амбросимович Таратутов, бывший учитель математики, изгнанный из школы за неистребимый запах перебродивших в желудке спиртосодержащих жидкостей, но сам он этого не признавал и ссылался на глубокие политические расхождения его методики преподавания математики с официальной, так сказать, демократической, за что отпущен на вольные хлеба. Какую-то пенсию ему платили, и бывший учитель сменил математические интересы на поиск и постоянное употребление ругательных и даже матерных слов и их сочетаний из могучего русского языка, а в противовес этому стал изучать манеры благородного общества девятнадцатого века и часто пользовался наряду с матерками изящными оборотами речи.

Еще никто не вышел в открытые двери, а он макнул пальцем белую нежность, лизнул и заорал:

– В креста, в веру, в кобылу серу...! Это же она на меня простокишей нагадила! Это же позор всему наркомпросу во главе с товарищем Луначарским!

Вышедшая из магазина с двумя огромными пакетами сахара и дрожжей бухгалтер ООО «Ананас» Ефросинья Харитоновна поправила:

– Не простокишей и даже не простоквашей, к вашему сведению, Викентий Амбросимович, а кефиром. Выкиньте вы из головы эту совковую простокишу!

Он уже стряхнул большую часть кефира на крыльцо и посоветовал:

– Уйдите, Ефросинья Харитоновна, и не будьте очевидицей жестокой мести оскорбленного самолюбия!

В дверях уже полно улыбающегося народа. Таратутов гордо встал в позу:

– Мякеша, да лучше бы вы мне с обеих сторон влепили пощечины, это приемлемо и даже благородно, но по лицу цветным литровым пакетом иностранного производства, который после первого же удара лопнул, и вы меня умуздряхали в этой гадости! Учтите, я пойду в судебные инстанции.

Вперед вышла пышная полногрудая деревенская красавица в балясистом крепдешиновом платье, изрядно измазанном все тем же кефиром. Это бывшая полюбовница председателя сельского Совета, который за малые услуги освобождал вдовствующую Мякешу Фролову от самообложения и налога на поросенка. Председателя при новой власти сместили, но за Мякешей так и остался статус первой леди, в свои сорок она охотно принимала не только заезжих, но и приезжавших на каникулы студентов колледжей и училищ.

– Вика, если я еще раз услышу от кого-то, что вроде как у меня на

грудях ночевал, при всем народе даю честное пионерское, что свисток твой на пятаки порублю.

Народ ахнул:

– Мякеша, да его сверчок разве что на гривенники, и то современной чеканки!

– Ну, ты зачихнула: на пятаки!

– На пятаки, бабы, если что, только у... – и поперхнулась.

– Погодите, – заорал Таратутов. – Что вы гоните, как зайцы в случной период! Вы разберитесь в человеческой судьбе, а судьба моя такова, что быт и жизнь свою вести в стороне от посторонних. Но, чтобы не навлечь на себя нехорошие суждения, решил я, так сказать, обналичиться и выбрал объектом возлюбленную Мякешу. Ей доверил самого себя, а она отрицает. И пусть это будет на ее совести, а что касаемо моего мужского достоинства и самолюбия, то у меня подобных Мякешь было – до Москвы..., да, до самого Кремля можно от нашей деревни строить в две шеренги, а местами и в три.

Он вовремя пригнулся, потому что булка черного тяжелого хлеба, который Мякеша прикупала своему поросенку, пролетела над его головой и ударилась в грудь ступившего на крыльцо тракториста Мити Зырянова.

– О, блин, я все думал, что булки на деревьях растут, а они, оказывается, размножаются в полете!

– Верни булку, алкаш! – рявкнула Мякеша.

Митя заупрямился:

– Народ! Я вторую неделю как стеклышко, а она меня в позор. Ответишь! Это тебе даром не пройдет!

– Да ладно, Митя, я ведь случайно булкой-то.

– А «алкаша» куда спишем? Нет, назначай цену, а то я к участковому пойду, ущерб с тебя полагается, да еще за самогонку схлопочешь, сам подпишусь, что покупал.

Мякеша обмякла:

– Сдаюсь, называй откупную.

– Усёк! Вечером после «Мастера с Маргариткой» три раза стукну в кутнее окошко.

– Сильно не колоти, окошки старые, рамешка рассыплется.

Митя засиял:

– Что ты, Мякеша, я ласковый.

Бухгалтер Ефросинья Харитоновна смачно сплюнула и вознесла руки к небу, поставив пакеты к дощатой стенке веранды:

– Вот чему удивляюсь: посреди народа начинают подхвостку нюхать, и бог терпит, не вытянет дрючком по извращенным членам. Я уж про стыд не говорю. А еще ждем, что Россия в передовые выйдет! Да разве такое возможно, если полнарода, как Митя с Мякешей, прилюдно случаются?

Никто не заметил, как на крыльце появился дед Архип, здоровый детина с рыжей окладистой бородой и богатыми усами, прозванный Знаменосцем.

– Издалека слыхать, что в лавке шур да бар, как на параде, однако, невиданный товар завезли, – довольно гладко выговорил Знаменосец.

– Товару-то полно, да в кармане – вошь на аркане, – вздохнула бухгалтер. – А шум потому, что некоторые граждане насмотрелись в телевизорах, как там молодые парни и девки во весь рост, вот и наглеют прилюдно.

– Не обманывайте, Ефросинья Харитоновна, они поначалу любовь в телевизоре строили, так и говорили: «Построй свою любовь!» – возразила рябая, как грязью обрызнутая, девица в шортах и топике.

– Ну, так и есть, – согласился Митя. – А потом у них стропила повело, они на эту стройку положили и переехали в публичный дом. И домов этих уже два, скоро откроют четвертый.

Бухгалтер этого не могла перенести:

– Митя, ты же шесть классов кончил, так если два, то следующий будет третий!

– Видите ли, – подал слабый голос Викентий Амбросимович, – Дмитрий, не имею чести знать отчество, очевидно, третьим считает тот, что откроют они с Мякешей моей возлюбленной и в котором мне в лучшем случае выпадет второй номер.

Митя поднялся с нижней ступеньки и потянулся было к Таратутову, но скользнув по остаткам кефира, отшатнулся:

– Слушай меня, Дон Жуан недоделанный, если ты еще своим грязным интеллигентским языком... Стоп! Если ты еще про Мякешу что

скажешь, у тебя оба, и первое, и второе, выпадут, но не сами, а с моей активной помощью.

Знаменосец покашлял:

– Какой-то разговор между вами идет мутный, но нити, нить не могу поймать.

Ефросинья Харитоновна положила черную булку поверх белого сахара и хохотнула:

– Ну, дед, молодец, уже трусы распускать собрался.

И пошла, как утица, переваливаясь из стороны в сторону.

– Беспросветная безграмотность, уважаемый господин Кукушкин. – Викентий Амбросимович подошел к старику и доверительно тронул его за плечо. – Вы же, конечно, имели в виду нить разговора, а не резинку от грязных Мякешиных трусов?

Знаменосец кашлянул:

– Зачем ты бабу позоришь про трусы? С трусами у нее все в порядке, я той ночью-то, когда ты стучался, на ее кровати у стенки лежал. Все было прилично, как на параде.

Митя не выдержал:

– Дед Архип, поди-ка соврал?

Знаменосец кашлянул:

– Да полно тебе, Митя, ну, полежал, так что с того?

Викентий Амбросимович пошатнулся, поймался за столбик веранды и с пафосом произнес:

– Все смешалось в доме Облонских!

Покачиваясь, спустился с высокого крыльца и пошел в сторону своей избушки. Через минуту крыльцо бывшего сельмага, а ныне магазина «Оазис» местного торгаша Петьки-Парткома, опустело. Высокое крыльцо, магазин каменный старой кладки, стены метровой толщины, дверные и оконные запоры закреплены в кладке, и ничем их не выдернуть. Петька всем говорил, что, когда еще парторгом работал, запросил архив, и ему прислали бумагу, что магазины эти построены были его прадедом, и владеет ими Петька по праву наследства. Вся эта легенда рухнула разом, когда районная газета напечатала заметки въедливого краеведа, бывшего учителя истории из села Большая Ченчерь, где он перечисляет всех местных купцов и магазины, коими они владели. Выходило, что все три оставшихся от царизма кирпичных магазина в Сладчанке принадлежали купцу второй гильдии Кутельникову, который вместе с семейством не стал дожидаться революционного суда, скорого и правого, махнул в Одессу, потом пароходом в Турцию, а оттуда в Европу. Краевед даже писал про два письма, которые месье Кутельников якобы присылал властям в Сладчанку и предлагал сломать его магазины и забрать припрятанные там золотые слитки. Власти месью не поверили и ломать не стали.

Веселая деревня Сладчанка словно осторожно с Горы спустилась и расставила свои домики в широкой изгибе этой Горы, бывшей когда-то берегом реки или даже моря, как писал местный ученый в районной газете. С другой стороны деревню подпирало озеро Сладкое, большое и глубокое, полное рыбой и дичью. Лучшего места и не найти вовсе. На Горе леса, береза с осиной и широкая гряда сосны с кедром и даже лиственницей. Отсюда и дома в деревне крепкие, высокие, это уж при колхозе после войны стали поскромней строить, а потом и совсем на кирпичные перешли. Грунты в деревне песчаные, дождь прошел, вода скатилась, промыла песок, солнышко выглянуло: чиста деревня, будто уборку хозяйка к празднику сделала.

Живут в хорошей деревне Сладчанке двоюродные братья Зуевы, с детства зовут их Сашко и Пашко, хотя отец одного, Филипп, своего в сельсовете записал Сашкой, а родившегося на другой день брательника отец Ефим назвал Пашкой. И случилось это как раз в канун выборов президента, потому сельский глава настоятельно просил братьев назвать парней в честь основного кандидата. Оба родителя решительно отказались и пошли пить заранее приготовленный самогон, радуясь, как хорошо дома без баб. Через пару дней до мужиков стало доходить, что совсем без баб – не совсем хорошо, потому решено было обсудить все доступные варианты. Женщины находились вполне приличные, только в разных местах. От предложения привести

их домой пришлось отказаться: отошьют. И вдруг Фиму осенило: сестры Пёрышкины! Две сестры-близняшки, Рая и Фая, по два раза ходили замуж и возвращались обратно ни с чем. Мать как-то тихо померла, а отец ушел в соседнюю деревню в примаки к овдовевшей состоятельной хозяйке, прижился, даже несколько раз к дочерям на новеньких «жигулях» приезжал. Сестры работали доярками и жили вместе. Братцы едва сшевелили примерзшую калитку, легко пихнули дверь в сенки и с трудом нашли в темноте ручку входной двери.

– Вы чего живете, как при крепостном праве? В ограду не попасть, в сенках глаза можно на гвоздике оставить. – Фима уж начал снимать матросский бушлат, подаренный демобилизованным племянником-североморцем, но Рая остановила:

– Если вас холера привела на нас критику наводить, то разворачивайте оглобли.

Филя понял, что пора приводить самые серьезные аргументы:

– Об чем речь, девоньки? Вы, поди, и не слыхали, что у нас сыновья вылупились? Вот по этому радостному случаю мы и пришли к вам, как к старым трудовым подругам. Рая, поди не забыла, как мы в Дикуше сено косили? Ни один шалаш не выдерживал нашего трудового напора! Помнишь? Вот по такому случаю, – он распахнул бушлат и вынул трехлитровую банку самогонки.

Фима тупо смотрел на брата и всеми силами старался понять смысл услышанного. Это он, Фима, тогда косил сено с Райкой, а Филя с Фаей ночевали в соседнем шалаше. Рая тоже не сразу все поняла, а потом вмешалась Фая:

– Нужда припала вам разбираться, кто с кем сено косил. Главное, что коровушки наши, царство им небесное, сыты были.

– Верно, – поддержал Филя, – и мы не бедствовали. Девки, киньте на стол хоть груздей с огурцом, а то я уж мерзнуть начал.

Рая хохотнула и кивнула сестре:

– Ставь жаровню с плиты, картошка с мясом. А то эти жуланчики с огурцов нам всю ограду разрисуют. Мужиков надо мясом кормить, чтобы работу можно было спросить.

Филя поддержал:

– С мяса, девки, мужик делается, как секач.

– Ой, не пужай! – хохотнула Фая. – Секач – это кто?

Филя расплылся в улыбке:

– Секач, Фая, это самый главный производитель у кабанов, что у нас в камышах на Барабанихе живут. Намек поняла?

Налили по полному стакану, выпили, потом еще, и Фима запросил песню. Четыре нестройных голоса исполнили «Скакал казак через долину...», женщины всплакнули, мужики стали откровенны:

– Пригрейте нас, девоньки, нонешной ночью, а потом мы будем частенько приходить, пока бабы в норму войдут.

Через девять месяцев обе сестрицы родили девочек, записали их на Филю с Фимой, те не протестовали. Девчонки росли, как пташки вольные, кто-то приголубит, кто-то накормит, пока мамки погуливают. В школу ходили вместе с братьями, после восьмилетки стали работать, всюду были вместе – и на работе, и в гулянках. Имена им мамаши дали странные, назвали Параней и Гараней. Им бы вся судьба по материнским стопам податься, в легкую жизнь удариться, ан нет. Завалил как-то на сеновале молодой мужичок Параню, а Гараня взяла вилы и воткнула их в белоснежные ягодицы. Мелковато, но орал он не слабее пришедшего в охоту секача, так на четвереньках в санях довезли до медпункта, фельдшерица, когда прохохоталась, дырки йодом смазала, дала неудачливому любовнику сто граммов спирта и отправила без освобождения от работы.

А вот Сашко и Пашко в родителей пошли, рано к девкам стали приглядываться, и все к Паране с Гараней, только в первый же вечер решительного наступления девчонки разъяснили кавалерам, что у родных по крови никакой любови быть не может. Сашко особенно сильно сожалел, уж больно поглянулась ему белянка Гараня, но против закона не попрешь.

Братцы работали в столярной мастерской, приватизировал ее какой-то районный чин, он же и выручку

забирал. Старый столяр, немец Яков Андреевич Кауц, пригрел их и учил, как с каким деревом работать, какой инструмент для чего приспособлен. Толковые оказались ребятишки, быстро все осваивали, и двери могли сколотить, и рамы связать, даже гробы делать. Старый Кауц возмущался: в прежние времена такое село было, а гроб один в неделю, и то для пожившего человека. А тут дошло до того, что нормальные люди в столярку ходить перестали: один гроб у дверей, второй собирают, на третий тес строгают. Потом бывший комсомольский секретарь открыл похоронную контору, весь инвентарь из города завозил, дорого, зато никаких забот, покойничка, прости господи! обмоют, оденут и в гроб положат, а сами яму копать. Три ночи должно православному провести дома после смерти – ничего, и на второй день уже никто не упирался, грузили в кузов, родню на скамеечки, и попылили. Не похороны, а спектакль со слезой. Так думал старый Кауц, у которого гроб уже лет десять лежал на чердаке старого дома, пугая внуков и их пакостливых друзей.

Яков Андреевич умер прямо за верстаком с фуганком в руках. Братья сделали ему добротный гроб, от комсомольских услуг большая семья немцев отказалась, старший сын Артур снял с чердака отцовскую самоделку и решил, что надо именно в нее положить отца, потому что таков был его завет. Братья отвезли свой гроб обратно, а ночью подожгли столярку, даже из инструмента ничего не взяли. Сами себе сказали: нет дяди Кауца, нет и мастерской. Приехавший на пожарище хозяин получил заключение пожарников: короткое замыкание. Вот и взятки гладки.

На последнем колхозном собрании сам председатель Кикин и двое из района, все трое при галстуках, попеременке залазили на трибуну и клятвенно заверяли, что после роспуска колхоза и раздела имущества ждет их жизнь невиданная: паши и сей для себя, скота держи, сколько сможешь, выручку от молока и мяса в свой карман. Наутро прибежали бывшие колхозники на машинный двор, а вчерашний начальник им бумагу показывает, что имущество движимое и недвижимое бывшего колхоза теперь принадлежит СПК «Возрождение», они его члены, а он председатель. Когда наиболее толковые закричали о выходе с паем, Кикин указал на «зеленый ряд», так в деревне звали шеренгу негодной техники. Через пару лет у председателя появились новые бумаги, по которым СПК стал ООО «Рассвет», а Кикин аж генеральным директором. Подгоняемый компаньонами из района, Кикин за осень сдал на колбасу весь скот, пообещав ревущим с горя дояркам, что Европа пришлет коров современных, которые на одной соломе дают по ведру молока в день. На машинном дворе дело оказалось серьезней. Кто-то из мужиков врезал генеральному по морде и крикнул, чтобы заводили трактора. Хватали, кто что может, и Кикину достались два «Белоруса» и гусеничный трактор, которые он раньше припрятал в старом железном ангаре. На одном «Беларусе» работал Гоша Семиколенный, все обыскал – нет железного друга, вскочил в «Кировца» и со двора на всех скоростях.

Старшие братья Зуевы в дележе не участвовали, а могли бы угнать хоть «пукалку», маленький двухцилиндровый трактор, которым почему-то поначалу толковые мужики побрезговали. Но – не судьба. Накануне торгаши завезли невиданное лакомство: в пластмассовом пузырьке чистейший спирт, и все это называется фунфырь. Викентий Амбросимович даже предположил, что это китайского производства водка и по-японски ей имя саке. Пузырек выливали в поллитровую банку, добавляли воды, и три мужика валились с ног. Фунфырь стоил в десять раз дешевле бутылки водки, и торгаши отоваривали им за цветной металл. В три дня в деревне нельзя было найти старого аккумулятора, алюминиевой ложки или медного самовара. Разве что нательные крестики сохранились. Именно в эти дни делили колхоз, тащили, кто что мог, а Филя с Фимой уже ничего не могли, спали в сенках то у одно, то у другого. А когда очухались, пришли за своей долей, бывший гендиректор – от греха подальше – дал мужикам на пару

бутылок, что в пересчете на фунфури означало недельную пьянку. Как говорили соседки, Господь и прибрал их в один день. Только Сашко и Пашко не верили во вмешательство бога, потому что родители не первыми пали от фунфырей. Сашко сам читал на пузырьке: «Для наружного применения». После смерти матери Пашко переманил к себе брата, так жить легче. Держали корову и свинью, летом литовками косили траву, сено возили на мотоциклетной тележке с друзьями, осенью копали картошку, чтобы кормить скотину, свинью потом резали и всю зиму ели мясо с картошкой. Но тоска на душах братьев, нет никакого просвета. Как-то вечером приходят к ним Параня с Гараней:

– Пацаны, обсудить надо. Вчера подкатывали на побитом «мерине» два фраера, предлагают работу. Дескать, девушки вы приятные, немножко подучим, и пойдете официантками в лучший ресторан города. А это отличное питание, приличное общество и куча чаевых.

Каждый из братьев думал одно и то же. Сестренки, конечно, девочки, что надо. Вот Параня: роста среднего, личико будто загорелое, волосы темные, глаза черные, губки скромно поджаты, а по фигуре скользнуть: шея прямая и гордая, грудь дай бог молодой маме такую иметь, в бедрах широковата, но талия – и так колыхнется платье, и в другую сторону – не коснется талии, словно нет ее. А Гараня ростом повыше, фигура поскромней, но лицо белое, а на нем и губы, и глаза, и брови – как нарисованы. Обе красавицы, только одежонка потрепанная да вместо обуви комнатные тапочки. После таких глубоких умозаключений братья переглянулись:

– Девчонки, приличный человек на драной тачке не ездит. Как-то не вижу я вас официантками в шикарном ресторане, – изрек Сашко.

– Ты чо морозишь, братуха?! Ты сам-то хоть раз официанток видел? Можно подумать, все кабаки в городе прошел! – взорвалась Гараня. И братья поняли, что девчонкам страсть не хочется расставаться с мечтой о куче чаевых.

Пашко долго молчал, все слова подбирал не очень матерные, но отрезвляющие:

– Повезут вас, девчонки, на панель, вдоль дороги стоять и мужиков стрелять. Гоша Семиколенный рассказывал: «Еду на «Камазе», мороз, а на объездной дороге девчонка стоит, в шубке до пупка, в колготках в обтяжку, вижу: замерзает человек! Остановился, дверь открыл, она запрыгнула. Спрашиваю: «Тебе куда надо?» «А куда, говорит, хочешь». Гоша на нее смотрит, вид, наверное, глуповатый, она тоже соображает: мужик не первой свежести. И говорит: «Может, тебе минет нужен?» Гоша подумал-подумал и бухнул: «А на хрен он мне нужен? У нас в колхозе этого добра – хоть завались!» Девка орет: «Дурак, остановись!» Выскочила и спасибо не сказала.

Прохохотались. Сашко свое гнет:

– Ребята говорили, что у них норма есть в рублях, сколько надо за сутки сдать бригадиру, а тебе сколько отстегнут. Ты кино видела про интердевочек? Вот такими сучками вас и поставят вокруг города.

Параня возмутилась:

– Вы что, охренели, так про нас думать? Ты про нас что-нибудь от ребят слышал? Ну, чтобы кто-то ко мне под юбку забрался? Да, целуемся, щупаемся, не без того, но дальше – ни-ни!

Теперь Пашко взорвался:

– Дура, это же наша деревня, наши ребята все знают, что за вас мы с Сашком головы завернем любому. А там... Девчонки, выходили бы вы взамуж за наших парней и жили все вместе. В общем, так: в город соберетесь – ноги переломаю. Или наголо остригу. Все, брат, этих блаженных на седнешний день не уговорить. Да, если эти фраера еще раз приедут, вы нас с ними познакомьте, так мол и так, братовья тоже готовы между столиками в ресторане без портков ходить и чаевые грести лопатой.

На зиму Сашко и Пашко устроились кочегарами в школьную котельную. Котельную перевели на солярку, установили емкость, поставили насосы на топливо и на воду. Человек из коммунального хозяйства приехал, запросил трудовые книжки, заявления и по месячной зарплате денег.

– А это за что? – удивился Пашко.

– У тебя допуск для работы на этой котельной есть? Нету. А за эти деньги я тебе документ привезу от госнадзора. Тут всех проблем – чтобы вода в системе не испарилась. Вовремя подкачивай и лежи, грей бока.

Комхозовский специалист принес из машины несколько газет, стали учиться запускать котел. Газету сворачивали трубочкой, поджигали и совали под струю топлива. Солярка разгоралась, и дальше все шло своим чередом.

– Бумагу для растопки всегда имейте в запасе, мало ли что. Бывает, солярка с водичкой, тогда совсем труба, но это редко, – напутствовал гость.

– Сашко, а где бумаги будем брать? Какой дурак газеты выписыват?

– Я в сельсовет схожу, у них должны быть.

– В администрацию, пустыня! Иди.

В сельской администрации уборщица выволокла из уличного склада несколько мешков с бумагами:

– Берегла, думала, советская власть вернется, снова будут макулатуру закупать, а этим ничего не надо. Забирай.

Потянулись тоскливые дни и ночи. В котельную никто не приходил, разве что среди дня прибегала директриса и орала, что в школе холодно.

– Окна надо было утеплять, – придумал отговорку Пашко, но солярки добавлял, зачем на ребятишках экономить?

Вечером в воскресенье он нашел спящего брательника и погасшую горелку. Братца пнул, тот встал, потянулся и признался, что сильно спать хотелось, в школе все равно никого нет, температура в котле под пятьдесят, на улице вроде не шибко холодно. Короче, успокоил себя, на всякий случай топливо перекрыл, котел погасил и уснул. Посидели, покурили, Пашко подтащил к топке мешок сельсоветской бумаги и стал свивать фитиль. Из мелких советских документов фитиль получался маленький, но солярка все-таки загорелась.

Совсем рассвело, Пашко походил по двору, расчистил дорожку к калитке, к туалету. Вернулся – все отлично, котел гудит, в помещении тепло, Пашко взял из мешка горсть бумаг и прилег на топчан. Ничего интересного, какие-то ведомости, таблицы с цифрами, указания райисполкома. Перебирал и бросал к мешкам, брал новые горсти и снова бросал. Повертел в руках не нашей формы конверт, вся лицевая сторона была заклеена марками, но марки кто-то оторвал, только клочки остались. В конверте оказалось письмо. Интересно, что бумага толстая, а в левом верхнем углу какая-то большая цветная буква не наша. Но написано разборчиво:

«Уважаемый господин председатель советской власти в селе Сладчанка, если его еще не до конца разорили большевики!

В первом письме батюшка наш напомнил о себе, о нашем роде купцов Кутельниковых, вынужденных покинуть родину в горький час большевистского нашествия. Батюшка наш уже ушел в мир иной, но оставил завещание, часть которого, касаемая его родной земли, я вам уполномочен сообщить. Как вы знаете, в селе было три небольших магазина, которые много лет исправно снабжали крестьян не только сладостями и спиртными напитками, но и предметами, сугубо необходимыми в крестьянском хозяйстве, как-то: плугами, боронами, наковальнями, кувалдами, топорами, пилами, точильным инструментом, инструментом слесарным и столярным и пр. и пр. Как вспоминал отец, бежали они столь скоро, что даже не сумели достать припрятанное на подобный случай золото и драгоценности. В первом письме он не стал подробно излагать, где заложен клад, полагая, что вы дойдете до него, подвергнув слому старые магазины. Ведь советская власть наверняка возвела прекрасные маркеты, заваленные товарами.

Но вы не послушались его, более того, ваш ответ оскорбителен и вполне дает мне сегодня право, как распорядителю наследства, отказаться от помощи вам. Ведь значительная часть найденного богатства должна быть направлена на улучшение жизни граждан села, а именно это было целью подобного распоряжения покойного батюшки. Ваше письмо я возвращаю, потому что не хочу, чтобы наши потомки через многие годы

удивлялись и возмущались вопиющей неграмотностью и пошлостью, если не сказать – хамством руководителей советской власти.

Как я понял, пускать на слом магазины вы не собираетесь, наверное, это и правильно, если государство не сумело построить новых. Тогда читайте внимательно, возможно, в вашей среде найдется хоть один человек, который сумеет разгадать эту несложную загадку. Все закладки сделаны с наружной стороны здания, потому что у отца не было сомнения: ключи от магазинов у него заберут в первый же день. Оставалась надежда под покровом ночи с привлечением доверенных людей достать драгоценности и скрыться с ними. Когда и такая возможность оказалась иллюзорной, батюшка наш решил положиться на волю божью, и семья поехала с тем, что у нее было. Надо сказать, что батюшка сумел сколотить приличный капитал, который дал нам возможность и вне пределов Родины жить вполне благополучно.

Итак, начиная от левого при входе косяка двери надо влево же отмерить ровно треть соловецкой версты и копать в глубину до метра, далее во внутрь здания под углом, равным углу наклона нижней перекладины креста Господня. А потом трижды читать молитву на поиск клада. Уместно напомнить вам, безбожникам, что во время поиска клада не можно быть вне трезвости, не следует говорить, ругаться и тем более материться. Желательно, чтобы работали люди верующие, во всяком случае, крещеные и с нательным крестом на шее.

Подобная инструкция подходит для всех трех магазинов. Надеюсь, что разумные люди сохранились, клады будут изъяты и направлены на службу народу.

Остаюсь с тоской по родной земле Афанасий Артемович Кутельникофф.

Париж, июль 1978 года».

Тут же письмо председателя сельсовета, ответ на первое письмо, возвращенный обратно.

«Не здравствуй и не прощай не скажу тебе, буржуй недорезанный. Запомни, что догнивающий капиталист никогда не обманет бдительного коммуниста. Жалко, что смотались вы от лютой расправы после революции, а теперь еще решили нам навредить, чтобы мы по вашей указке изломали все три магазина и оставили людей без снабжения. Мы на вашу провокацию не пойдем, можете не рассчитывать. Ишь, нашли дурачков, сломать магазин, а там нет ни шиша. Так что, дорогие земляки, ни хрена у вас не выйдет, так и передайте своим хозяевам французским капиталистам и напомните, что мировой пролетариат скоро устроит им свою Октябрьскую революцию.

Председатель сельсовета (подпись неразборчива).

с. Сладчанка, 10 мая 1964 года».

Пашко несколько раз перечитал французское письмо, пока в голове его не успокоилась мысль, что богатенькие землячки не просто так писали эти бумаги, да не один раз. Накинул фуфайку, добежал до дома, стукнул в дверь. Сашко подал голос:

– Кого там несет?

– Открывай, с какого перепугу ты на крючке?

Какое-то шевеление, потом тихий шепот в щель:

– Пашко, я не один. А что случилось?

У Пашка все мысли о золоте враз вылетели, когда он понял, что брательник на самодельной широкой деревянной кровати с девкой курдается. Все бы золото променял сейчас на теплое место с краешку.

– Да ладно, – пробормотал он и пошел в котельную. Вот братец, вроде везде вместе, друг без друга разве что в туалет ходим, и когда подхватил деваху, да и кого? Ладно, утром все выяснится, зато про письмо не скажу ему пару деньков.

В котельной все мешки с сельсоветскими бумагами вытряс по одному и внимательно просмотрел – нигде больше ничего про золото не сказано. Проверил горение, сходил в школу, батареи потрогал – пойдет, к утру добавлю. И пошел к магазину, на крыльцо поднялся, присмотрелся к левому косяку, мысленно стал мерить шаги и... споткнулся. Треть версты, а верста, наверно теперь называется километром, значит, триста с лишним метров... И в какую степь? Вот сволочь, а

написал, что у стены закопано золото! Нет, богач он и есть богач, подохнет, а с простым советским человеком не поделится. «Закопано с внешней стороны здания. Треть версты от косяка». Наверно, от лягушек и шампанского крыша поехала, вот и умодил такое письмо, пусть, мол, земляки вместе со мной с ума сходят.

На другой день пришел к брату в котельную, тот посыпат на топчане. Пнул, дождался, когда в себя войдет:

– И давно ты баб домой водишь, когда я на смене?

Сашко кивнул:

– С отопительного сезона. А куда я ее поведу?

Пашко руками развел:

– Невтерпеж, стало быть? Колись, все еще щупаетесь или в полный рост?

– Жениться придется, если ее родители узнают, – засмущался Сашко.

– И чья она? – поинтересовался брат.

– Наша, Аниска, Данила Кургузкина дочь.

– Младшая? – уточнил Пашко.

– Средняя.

Пашку взорвало:

– Сашко, ты кого наделал? Ее всю уборочную шофера из кабины в кабину передавали.

Брательник хохотнул:

– И какая беда, если девка покататься любит.

Пашко охватил голову руками и несколько времени не знал, что сказать:

– Ты где ее словил?

Сашко удивился:

– С чего ты взял, что я ее ловил? Сама пришла вечером, ты на смене, у нее бутылка. Выпили, и вперед!

Пашко сплюнул в таз под рукомойником:

– Дурак, тебе назад надо было бежать! Она не иначе как беременна, такую собачью свадьбу отгулять! Скажи ей, что любовь прошла, завяли помидоры.

– Не смогу. Ты же знаешь, что я стеснительный, – вздохнул Сашко.

– Вот сволочь! На бабу залезть он не постеснялся, а слазить боится. Вот что я тебе скажу, братец. Женись, но жить пойдешь в примаки, я вас близь дома не пущу. Ой, дурак! Тут такие дела возникают, голова кругом, мозгов не хватат, а он умодил. Короче говоря, узнал я из надежного источника, что по золоту ходим.

Сашко вздрогнул:

– Поясни, не доходит.

Пашко стукнул себя по коленку, кот с испугу запрыгнул на печь.

– В том-то и дело, что до меня тоже не доходит. Тут с арифметикой связано и с богом, а мы с тобой на уроках титьки у девок искали.

– Ну, не всегда же, – поправил Сашко.

– На арифметике точно, потому что титьки мне были интересней. Что такое верста, скажи?

Сашко сразу ответил:

– Ваня Верста с Голой Гривы.

– Дурак! Верста, километр. Притом, не простоя верста, а...

– Коломенская есть, – вставил Сашко.

– Нет, Соловьиная какая-то. Ну, там много чего надо знать, а откуда? У кого спросишь?

Сашко помолчал, потом поднял голову:

– Викентий Амбросимович должен быть в курсе.

Пашко аж привстал:

– Точно! Только и его надо будет в компанию брать.

Сашко тронул брата за плечо:

– Ты об чем это все молотишь? «Верста соловьиная, бог с арифметикой». Слышь, браток, может, сегодня к тебе Аниску позвать? Быстро дурь пройдет.

Пашко встал:

– Работай иди, я пошел к Таратутову.

Мало сказать, что Викентий Амбросимович был одной из добропримечательностей села, он был и его тайной. Никто не знал, как этот весьма образованный человек появился в этих краях и как он преподавал свои первые уроки. Вспоминали, что он очень галантно ухаживал за молодыми коллегами, считался самым интеллигентным, и всем молодым людям ставили в пример, что Викентий Амбросимович никогда не воспользуется тем, что остался в учительской один на один с молоденькой химичкой, и не станет трогать ее бюст и

жадно дышать в ухо. Никто не видел его, например, в раздевалке, когда девушки в уголке, закрывшись занавесками из полушалков, снимали теплые штаны или поправляли пучки ваты, заложенные в лифчики. А учитель физкультуры, например, позволял такие дерзости, за что девчонки его очень любили, и каждое лето одна из десятиклассниц на время становилась его любовницей.

Никто не знал личной жизни Таратутова, но в общественной он участвовал очень активно. Играл любовников в постановках драматического коллектива, но прикасаться к женщинам избегал, и, если по ходу пьесы должен был случиться поцелуй, актер приближался к своей возлюбленной, но останавливался в полуметре, и звонкий поцелуй, исполненный за кулисами специалистом этого дела – учителем физкультуры, вызывал повальный смех в зале.

Заметив столь интересного человека, партия пригласила его в свои члены, отчего он скороговоркой отказался, а после три дня не вел уроки, ссылаясь на тяжкое и неэстетичное поведение живота своего. Парторг, узнав о столь серьезной реакции, больше опасных намеков не делал. Вот в профсоюз учитель вступил и даже согласился быть членом месткома, что, впрочем, продолжалось до прилета первого самолета сельскохозяйственной авиации, обрабатывающей посевы от всякого рода вредителей. Вся школа пошла смотреть на самолет, потому что до этого такую машину видели только с земли на высоте тысячи метров. А тут вот он, пахнущий всеми ядохимикатами мира, но с крыльями, с большим пропеллером и двумя молодыми парнями в шлемах с наушниками.

Викентия Амбросимовича осенило: он в один момент может стать героем, первым из всей деревни взлетев на самолете, и это решительно изменит отношение к нему возлюбленной Мякеши, которая уже несколько лет близко его не подпускает. Вроде доступная женщина, редкий мужчина миновал ее постель, а вот учителю не повезло. Он дождался, когда летчики проверили заправку баков ядохимикатами, разведенными привезенной с озера теплой водой, подошел и вежливо обратился:

– Товарищи, прошу понять меня правильно. Я, конечно, совершенно земной житель, рожденный, так сказать, ползать, но, представьте себе, очень хотел бы побывать в небе.

Один из летчиков повернулся к нему:

– Это невозможно, в кабине только два места. Куда мы вас посадим?

Второй летчик вмешался:

– Человек тебе прямо сказал: он хочет побывать в небе. И ему не важно, в кабине или в грузовом отсеке, лишь бы в воздухе. Я вас правильно понял, товарищ?

Таратутов затряс головой столь энергично, что смутил летчиков. Второй, более сговорчивый, предложил:

– Мы работаем до восьми часов. Подходите к этому времени, и мы вас прокатим.

– Можно, я на велосипеде?

– В самолет?

– Нет, что вы, только до аэродрома.

– Это сколько угодно, хоть на хромой кобыле.

Зря он так безответственно сказал про кобылу, без этих проклятых слов, возможно, все сложилось бы благополучно.

Никому ничего не говоря, Таратутов сел на велосипед и поехал на поляну за селом, где разместился самолет, емкости с ядами и бочки с водой. Летчики поужинали и пили чай, заваренный из веточек растущей рядом смородины. Взволнованный гость от чая вежливо отказался, ожидая более серьезных предложений. Наконец один летчик подошел к нему и серьезно спросил:

– Вы не передумали?

– Нет! – гордо ответил учитель.

– Тогда так. Мы вас помещаем вот в этот отсек. Вы ничего не будете видеть, но почувствуете все то, что ощущает человек в воздухе. Я дам вам наушники и по внутренней связи буду рассказывать, как проходит полет, над какими местами пролетаем, а вы их, конечно, знаете и будете представлять. Ваш позывной – «Орел». Полет продлится минут десять. Вы готовы?

– Да!

На Викентия Амбросимовича надели шлем с наушниками, открыли

дверь и велели лечь на пол, застеленный почему-то пестрым деревенским одеялом. Летчик велел лежать спокойно и с этого места никуда не смещаться во избежание катастрофы. Учитель врос в одеяло, летчик воткнул в шлем провод, и счастливый воздухоплаватель услышал:

– Орел, я Сокол. Запускаю двигатель.

Самолет загудел, затрясся, мотор набирал обороты.

– Орел, начинаю разбег и взлет.

Рев мотора был страшным, но Орел услышал спокойный голос Сокола:

– Как себя чувствуете?

– Нормально!

– Отлично. Набираем высоту. Слева от нас село, сейчас проходим над школой, поднимаемся выше, справа группа озер, вы, наверное, их знаете.

– Да, я люблю там рыбачить.

– Прекрасно. Вон на озере купаются девушки, подлетим к ним?

– Конечно!

– Если бы их могли видеть, полнотелых и грудастых. Но вы их еще увидите и расскажете, что в самолете, который выгнал их из воды, находились вы. Итак, разворачиваемся и ложимся на обратный курс. Вы себя хорошо чувствуете? А как у вас с сердцем?

– Все хорошо, не беспокойтесь, у меня крепкое сердце.

– Это хорошо, – как-то неуверенно сказал летчик.

И в этот момент стало тихо, так тихо, что Викентий Амбросимович слышал свое дыхание.

– Орел, вы меня слышите? У нас маленькие неприятности, заглох мотор, мы падаем.

– Вы сошли с ума! У меня завтра три урока! Что мне делать?

– Я вас предупредил: лежите на одном месте и не шевелитесь. Одеяло спасет вас.

Дальше произошло страшное. Дно самолета распахнулось, и Викентий Амбросимович вместе с одеялом упал на скомканный брезент, которым летчики укрывают самолет. Придя в себя и сняв проклятый шлем, бедный учитель понял, что никуда он не летал, самолет все время гудел мотором на месте, а потом его заглушили и открыли люк. С трудом поднявшись, Таратутов поплелся к своему велосипеду, но сесть не мог. Тогда к нему подошел возчик воды, закинул за бочку велосипед, посадил учителя рядом с собой и тронул лошадку. Она тоже с трудом поплелась в сторону села, потому что уже вечером подвернула ногу и сильно хромала. Увидев это, учитель заплакал.

После полета Таратутов стал выпивать, возненавидел женщин, потерял авторитет и вынужден был школу покинуть. Но жить остался в Сладчанке, удивлял и пугал односельчан предсказаниями смертей вождей, потом точными прогнозами погоды и определением пола только что зачатого ребенка. Это был хороший приработок к пенсии и довесок к утраченному авторитету.

Пашко вошел, когда Викентий Амбросимович над электрической плиткой пытался изобрести себе ужин. Отваренный голубь уже синел в тарелке, а макароны все не закипали. Не глядя на вошедшего, хозяин крикнул:

– Возьмите с полок любую книгу и используйте время для познания некоторых деталей бытия ранее живших. Впрочем, что вам попадет под руку.

Пашко взял лежащую на столе открытую книгу и глянул на обложку: «Черная магия». Полистал, подивился на незнакомые знаки и от греха подальше отложил в сторону. Расправившись с макаронами и голубем, учитель подошел к столу и внимательно посмотрел на парня.

– Что привело вас ко мне, мой юный друг?

Пашко вопросы заготовил и даже достал бумажку, чтобы записать ответы.

– Вопросов несколько, Викентий Амбросимович. Первый: что такое соловьиная верста?

Учитель улыбнулся:

– Таковой нет в природе.

– Но была когда-то?

– Я говорю о природе, следовательно, никогда не была. Откуда это у вас?

– Пока не могу сказать. Но верста – это очень важно.

Учитель расхохотался:

– Милейший, вы говорите о Соловецкой версте. Да, такая была. Значит, так. На Севере России есть Белое море, среди вод образовался архипелаг, как бы группа островов, общее название их – Соловецкие. Святая земля, место греха и духовной высоты, подлости и подвига. Да, вы меня расшевелили. Про нее написаны книги правды и клеветы, о! а сколько еще писак попытаются сделать имя на костях великомучеников! Жизнь на островах была еще три тысячи лет назад, государевы люди пришли в пятнадцатом, кажется, веке, а уже в девятнадцатом там открыли тюрьму. Надежное место, не вдруг убежишь. Ну, а большевички развернулись вовсю, Соловецкие лагеря были весьма суровым местом.

– Откуда вы знаете? – невпопад переспросил Пашко.

– Видите ли, милейший, батюшка мой, архимандрит Новгородской епархии, провел там несколько замечательных лет, и рассказы его следовало бы записать, но, увы, я дал подписку о неразглашении. Хотя сейчас – кому это надо?

– А сколько метров в этой самой версте?

– Разумный вопрос, сын мой. Версту эту изобрели монахи, обмерили веревками окружность монастырских стен и сказали: сие есть соловецкая верста! И верстовые столбы поставили.

– А в метрах? – не утерпел Пашко.

– Это надо либо вспоминать, либо открыть нужную книгу. Так, вот, ага! 1054 метра.

Пашко записал цифры.

– Слушаю иные вопросы, молодой человек.

Пашко понял, что, не рассказав о сути, он не получит ответа. Решился.

– Вот стоит здание. Точно известно, что у здания зарыт клад. Причем не сверху, а на метр глубиной. А как найти? Известно, что надо от указанного места пройти треть соловецкой этой версты. И что? В одном месте, говорит, что с внешней стороны здания, а в другом – треть версты пробежать. Хрень какая-то.

Учитель засмеялся:

– Никакой хрени. Вы помните, я говорил, как монахи версту определяли. Взяли веревки и обошли вокруг монастыря. Так и вы обойдите от указанной точки вокруг здания... так, 351 метр и 33 сантиметра. Там и копайте.

– Эх, Викентий Амбросимович, нам с братцем не совладать, придется вас в долю брать. Клады эти под магазинами зарыты, которые теперь у Петьки-Парткома в подчинении, а я письмо нашел, которое последыши хозяина из Парижа прислали, там все указано, вплоть до молитвы.

– Письмо при вас?

Пашко подал конверт. Учитель быстро пробежал текст и глянул на собеседника.

– А похоже, молодой человек, что все есть чистая правда. Нда, сейчас зима, и копать мерзлый грунт, к тому же под магазином, – опасное дело, шумно, могут пришить попытку ограбления. Хорошо, что закладка сделана с задней стороны магазинов. Подождите, милейший, а ведь все три магазина построены по одному проекту!

Пашко возразил:

– Да они и не похожи вовсе.

– Правильно, за годы советской власти их обезобразили настолько, что три родных брата стали неузнаваемы. Но я оцениваю по основным математическим параметрам: размеры, высота, даже расположение окон. А что сегодня с задней части магазинов?

Пашко стал вспоминать.

– В центре вроде дощатый склад, раньше тару там держали.

– А сейчас?

– Черт его знает!

– Так, про него больше ни слова.

– Про кого?

– Вот кого вы сейчас назвали. Не надо.

– Понял. Завтра же схожу, осмотрю другие. Только как копать мерзлую землю?

Учитель помолчал, потом предложил гостю:

– Обследуйте все магазины, уточните, что у задней стенки. Есть ли ночная охрана. Зарисуйте точно место ввода в здание электропроводки. Найдите друзей, которые работают в коммунальной службе. На это сегодняшний день. Завтра...

– У меня смена, – перебил Пашко.

– Послезавтра с полной информацией ко мне. Кто еще посвящен в тайну?

– Мой брат Сашко.

– Пока довольно. И ни звука. Вперед! А я буду думать.

Думал Викентий Амбросимович под музыку Вивальди, добываемую со старых пластинок на плохонькой радиоле. В это время курил трубку, набитую смесью табака и трав, насушенных и протертых. Это давало ему высоту мысли и в итоге правильные решения.

«А с чего они решили, что земля под сараем мерзлая? Если под навесом грунт сухой, он практически не застывает. Следовательно, можно начать с того магазина, за которым склад. Надо проверить, заперт ли он, можно ли открыть и что там сейчас находится. Это первое. Далее. Я определю точное место закладки по каждому объекту, и потом буду принимать решение. По электричеству. Надо подготовить металлический диск, рассчитать, что надо дополнительно, чтобы он нагревался. Это к электрикам, они соберут конструкцию. Потребуется медный провод, это задача молодежи. Где-то у меня был приличный кусок динамита. Заложить, глубокой ночью взорвать, пока суетятся, лопатами выйти на нужную глубину. В темноте никто и не подумает бежать на задворки магазина. Это надо осмыслить. Хотя довольно рискованно. Кажется, решение есть. Интересно, есть ли золото? Почему у меня такая уверенность, что месье Кутельников был искренен? Наверное, потому что это русский человек, и последнее «прости» он отсылал родине. Спасибо, ему это зачтется!»

Так высокопарно закончил свои размышления Таратутов и пошел на останки старой церкви стрелять из рогатки голубей. «Мужчине нужно мясо, нужен белок, иначе он перестает быть мужчиной», – так рассуждал он, не беря во внимание, что мужчина в нем пропал в момент падения из самолета на балясистое деревенское одеяло, а сцены, которые он устраивал Мякеше и нескольким другим женщинам, должны были хотя бы показывать видимость его мужской состоятельности.

Митя Зырянов жизнелюб, баболюб, любит водочку и свой трактор. Ну, если честно сказать, в колхозе Митя был передовиком, а когда пришла пора прощания, он завел «Беларус» с навешенным трехлемешным плугом, кинул наверх борону «зигзаг» и тронулся в ворота машинного двора. Механик Кафтайкин сам имел виды на этот трактор, но не успел его спрятать. Он выскочил вперед и встал в воротах, раскинув руки крестом. Митя хорошо знал, что Кафтайкин хоть и грозный, но на передок слабоват, отскочит. И тут же понял, что тюрьма неизбежна, когда увидел падающего Кафтайкина. Механика от смерти, а тракториста от тюрьмы спасло то, что упал Кафтайкин повдоль трактора, и Митя увидел его, ползающего на карачках, в заднее окно. Чуть труханувший Митя приоткрыл дверь и крикнул:

– Ну, что, мелкий жулик и расхититель социалистической собственности? Мало тебе двух тракторов, которые ты пригнал из Нестеровской бригады и поставил в дальний угол сарая? Так ты еще хотел завладеть моей любимой машиной? Не выйдет!

Кафтайкин, отряхнув штаны, ответил:

– Трактор у тебя заберут, его главный инженер облюбовал.

Митя засмеялся:

– Жизнь – штука крутая, если бы бабы, которых я облюбовывал в свое время, все моими стали, у меня был бы гарем поболе, чем у этих нефтяных королей, у которых половой инстинкт просыпается только на молодой месяц. Ты видел, у них молодой месяц пролетарско-крестьянским серпом изображен, где надо и не надо? Инженеру отдашь картофелеуборочный комбайн, который он по пьянке купил на выставке и от стыда прячет в гараже под брезентом.

Первой же весной Митя стал самым уважаемым человеком на селе. Каждому надо вспахать огород, а трактор в комплекте только у Мити. Утром ему давали список, к вечеру он возвращался домой с полными карманами денег. Все лето без работы не жил, дом перекрыл широким крашеным железом, от водопровода протянул в дом трубу, запустил котел обогрева и самое главное: в маленьком

пристрое к дому сделал туалет, установил фаянсовый унитаз, а всю радость сливал в закопанную перед домом цистерну с колхозной заправки, которую купил у ночного сторожа за коробку «фунфурей». Дно цистерны вырезал сваркой, а в яму вывалил два самосвала крупной щебенки, за ящик водки привезли ребята с ремонта федеральной дороги. Вторую пятилетку всей семьей всю отработку сливают в бочку и ни разу не откачивали. В общем, молодец Митя!

Но его широкая натура хотела чего-то великого. Раньше, при коммунистах, он мечтал получить звезду героя и получил бы, потому что работал больше всех; хоть и выпивал, но с начальством ладил, осенью пахал зябь на «Кировце», больше тысячи гектаров выгонял; все проверяли, нет ли приписок, нет, все чисто, Митины рекорды никто не мог побить. Два ордена дали, большой чин, который ордена вешал, так и сказал: «Звезду тебе уже куют!» Хрен тебе – не звезда. Выскочили на телевизор эти проститутки худосочные и цельный вечер пропрыгали, лебеди общипанные. И началось.

К осени работы стало меньше, и загорелась у Мити душа: воздвигнуть себе памятник. Дурная, конечно, мысль, но покоя не дает. А с кем посоветуешься? Пошел к Викентию Амбросимовичу, все-таки ученый человек, рассудит. Таратутову так эта мысль понравилась, что он предложил немедленно заводить трактор. Пришлось достать бутылку и несколько компаньона остепенить. Выехали в полночь, как тати.

Но еще днем Митя кинул топор в люльку мотоцикла «Урал», который получил как победитель областного социалистического соревнования пахарей, и поехал к Горе. Гора огибала село с двух сторон и уходила дальше. На Горе были пашни, под Горой поймы, старицы и заливные луга. В приовражном колке срубил пяток тонких осинок, навострил колышков, поднялся наверх, вбил колышек, шагами отмерил метров двести, вбил другой, потом еще и еще по одному ему понятному порядку. Колышки вбивал так, чтобы снизу их видно было. Спустился на мотоцикле аккуратно и давай снова колья вколачивать. Вот к этим колышкам, первому с краю, и подвез он Таратутова, дал ему в руки фонарик и велел включить, как только трактор начнет спускаться. Поднялся по пологой дороге, настроил маршрут на фонарик и заглубил плуг. Трактор пошел тяжело, но под уклон его хоть держи, борозду проложили ровную. По команде Мити учитель перебегал от кола к колу и работал маяком. Митя поднимался в объезд, находил нужный ориентир, заглублялся и плыл вниз. Работу закончили затемно, потому полюбоваться не пришлось, уехали домой уставшие, но довольные.

Недоспавшего Митю разбудил крик матери:

– Ой, тошно мне, тошнехонько! Что же ты натворил, чтоб тебя лихоманка затрепала! Это же тюрьма тебе, а у меня ни сухарика...

Митя выскочил в ограду. Соседи, собравшиеся выгонять коров, молча смотрели в одну сторону, и Митя знал, куда. Он прямо в трусах подбежал к воротам и просиял. Три жирных буквы, обозначающих самое сокровенное мужское достоинство, были как нарисованы на склоне Горы. Понимая, что разборки неминуемы, он схватил с залавка свежий калач, быстро завел мотоцикл и упалил к учителю. Тот безмятежно спал.

– Вставайте, граф, вас ждут великие дела!

Викентий Амбросимович присел на кровати и спросил:

– Поедем допахивать?

Митя засмеялся:

– Засевать! Вы гляньте в окно и прочтите ваше любимое слово на склоне вековой Горы.

Учитель кинулся к окну и отскочил как ошпаренный:

– Дмитрий, не имею чести знать ваше отчество, вы совершили историческое деяние, теперь на долгие годы это слово будет украшать мир и напоминать людям, особенно женщинам, об исторической миссии человечества.

Митя кивнул:

– Хреново только, что менты в этой миссии ничего не понимают. Я так думаю, что через часик меня будут искать.

Учитель встал посреди комнаты в застиранных кальсонах с неизвестно откуда взявшимся глобусом в руках:

– Дмитрий, я вас не выдам!

Митя махнул рукой:

– Ладно, поеду сдаваться.

У сельской администрации стоял уазик с синей полосой, и трое полицейских вместе с главой местной власти ухохатывались, хватаясь за животы. Митя заглушил мотоцикл и обратился к лейтенанту:

– Сразу увезете или сход соберем, чтобы проститься?

– Так это твоя работа? Ну, голова! Как ты до этого додумался?

Митя понял, что не все так плохо.

– От избытка чувств. Скучно живем, нет места подвигу, а душа просит простора. Вот, разметил и пропахал. Красиво?

– Слушай, а почему бы тебе другое слово не пропахать? Например, фамилию президента. На весь мир прославился бы, – предложил лейтенант.

Митя кивнул.

– Это я могу. Впереди этого члена еще много места.

Лейтенант посмотрел сурово:

– Ты мне этого не говорил. За мелкое хулиганство я тебя привлеку, штрафом отделаешься или на тракторе дрова пенсионерам повозишь. А за такие речи... Ну, ты понял.

С тех пор каждую весну на свежей пахоте вперед, чем кругом, зеленела трава, и буквы выпирали, а потом трава желтела и опять выделялась на фоне зеленеющей окантовки. В общем, слово читалось от снега до снега. Митя полмесяца прожил в райцентре, устроившись на квартиру к незамужней социальной работнице. Он жил бы и дольше, но из деревни позвонили, что скопилась очередь на вывозку дров.

Сашко до окончания восьмилетки ни разу не был за пределами Сладчанки, уже весной, перед выпуском, мальчишек возили на приписку в военкомат, вот там на медкомиссии и упал в обморок брат Пашко, когда девчонка-лаборантка кровь из пальца брала. Пашке дали ватку понюхать, и он ушел, стыдливо прячась от девушки, которую напугал до слез. Сладчанка была для Сашки целым миром. Он знал все ягодные места в лесу, по грибы ходил с тележкой, к платформе наращивал борта из тесин и привозил полнехонький воз. Мать раскладывала сухие и грузди раздельно, заливала водой и дня по три вымачивала, промывала, чистила, а потом солила в старинном дубовом бочонке. На всех старицах, которые окружали село, Сашко знал самые щедрые места, прикармливал рыбу, как это делали старики, потому улов всегда был добрый.

Сашко любил Гору, которую испохабили Митя с Викентием Амбросимовичем. На Горе сохранились очертания окопов Гражданской войны, рыли их колчаковцы, а красные шли лугом, их было хорошо видно, и, наверное, вот из этого окопа были убиты хорошие ребята-красноармейцы. Сашко ложился в ложбинку окопа и осматривал луг – да, обзор хороший. Здесь же бегали ящерицы. Шустрые, они стояли, опершись на передние лапки и приподняв змеиные головки, пока Сашко не наклонялся, чтобы поймать – сразу исчезали. Однажды он ухватил одну за хвост и ужаснулся: хвост в руке шевелился, а ящерица убежала. Опасаясь, что она погибнет, Сашко больше не гонялся за ящерками, просто любовался со стороны.

В первых лесках он находил муравьиные кучи, близко старался не подходить, потому что видел множество дорожек, по которым деловитые муравьи бежали по своим делам или несли домой добычу. Несколько муравьев, подхватив муху с двух сторон, несли ее на задних лапах, так мужики несут тяжелое бревно или двутавровую балку на машинном дворе при колхозе. Сашко сламывал сухую осинку, опирался на нее грудью и зависал над муравейником. Какие картины открывались перед ним! Нет, люди никогда не будут жить так дружно и так понимать друг друга. Их тысячи только сверху, а старики говорят, что внутри муравейника целый город, и не следует хоть как-то нарушать их порядки. Но Сашке приходится, девочка Нина, приехавшая из города в гости к соседям, отказалась выходить вечером и целоваться с Сашкой, потому что он рябой. Тогда он узнал, что от веснушек помогает муравьиный яд,

который они выбрасывают, если сверху пошевелить гнездо. Сашко так и делал, наклонялся над муравейником и шевелил веточкой поверху. Сотни муравьев обливали его чем-то кислым и едучим, но Сашко терпел ради девочки Нины. Когда возвращался домой, все лицо горело, глаза сузились, он умывался холодной водой, но утром, посмотрев в зеркало, чуть не плакал: лицо было, как после большой драки. Девочка Нина уходила на соседнюю улицу и целовалась с отличником Олегом, которого Сашко возненавидел и поколотил бы, если бы мог. Он вообще не умел и не любил драться. А вот Пашка умел и любил, поэтому был здоровым и сильным, что и спасало Сашку от многих неприятностей.

Потом к другим соседям приехала из города девочка Катя, которая сама вечером подошла к Сашке и предложила дружить. Сашка сказал, что он рябой. Катя пропела какую-то частушку, что рябой – на базаре дорогой, и они две недели целовались на крыше сарая Катиных родственников. «Ты что-нибудь чувствуешь, когда целуемся?» – спросила Катя. Сашко ответил, что чувствует, что она ела или окрошку или салат с луком. «Вот дурак! – сказала Катя. – И больше ты ничего не чувствуешь?» Сашко пожимал плечами. «И груди мои не чувствуешь?» – изумлялась она, расстегнув кнопки кофточки и показав два крохотных бугорка. Сашка смутился, спрыгнул с сарая и больше с Катей не встречался. Вспоминая это, Сашко улыбался: ведь было совсем недавно, года три назад, а нынче приехала Катя – девица, к которой не подойти. И фигура красивая, и груди настоящие. Два раза специально выходил ей навстречу, думал, узнает – нет, задружила с парнем, которому осенью в армию идти.

Он вспомнил, что в то же лето приезжала Валя, Валюша, ее бабушка в деревне живет. Сашко пошел в магазин за хлебом, и она тоже, а когда возвращались, спросила: «Ты село хорошо знаешь?» «Хорошо», – ответил Сашко. «Давай прогуляемся по всему селу, чтобы я потом сочинение могла написать про деревню». Они сходили к полуразрушенной церкви, Сашко осмелел и даже залез на колокольню, чего раньше никогда не делал. Он хотел пройти по толстому бревну, на котором когда-то висели колокола, но струсил и спустился вниз. «Все равно ты молодец», – похвалила Валя. Потом пошли к тому месту на речке Сухарюшка, где из глубины с силой бил родник, погода была тихая, река спокойная, и вода родника высокой гладкой шапкой поднималась над поверхностью. Пошли к самому страшному месту в селе, которое называется пропарина. Сашко объяснил, что много лет через речку делали насыпной мост, куда валили хворост, солому, тонкие жерди. Все лето и зиму по мосту ездили на склад, так ближе. Весной речка Кизиловка переполнялась, вода сносила мост, и весь мусор оседал в глубокой лощине, быстро закисал, бродил, изрыгая из глубины своей выбросы вонючих газов. Пропариной пугали детей, к ней действительно страшно подходить. Бывало, телята и коровы сдуру залетали – все, затягивало, что и смамкать не успевали. Теперь мост сделали железный, с бетонной плотиной и металлической заслонкой для сброса лишней воды. Пропарина постепенно иссякает и прежнего ужаса уже не нагоняет.

Прошли по новой колхозной улице из двадцати двухквартирных домов. Палисадники и наличники покрашены, ворота разрисованы, над каждым домом телевизионные антенны. «А ты прочитала, как называется улица?» – «Не успела?» – «Улица ранних зорь, потому что живут тут механизаторы и животноводы, работники, которые встают раньше других, потому и ранних зорь. Председатель у нас был такой, стихи писал и в клубе на концертах со сцены читал. Народ его любил, а начальство нет, вот и перевели куда-то на повышение».

Подошли к магазину, Сашко сказал, что их три таких в селе, старинной кладки, стены метровые. Сашко тогда еще не знал, как тесно ворвутся в его жизнь эти магазины...

Когда не стало колхоза и обязательной колхозной работы, Сашко с вечера проверял удочки, осматривал тройчатки-якоря из крупных крючков, то на щуку или крупного окуня;

готовил прикорм из отрубей и каши, на задворках в основании кучи навоза копал верхний слой земли и собирал толстых и жирных червей. Попадались и белые «лежни», толстые и почти неживые. Их любят налимы и лини, да и окунь не брезгует. Насобирав половину консервной банки, Сашко присыпал червей влажной землей и шел в дом. Пашко от рыбалки отнекивался, ему от отца ружье досталось, и он ходил осенью на соседнее болотце, дожидался кучки косатых или крякв на кормежку и успевал подбить пару. Раздевался, лез в холодную воду, доставал подранков и гордо нес домой. Вечером прибегали сестры, Параня с Гараней, одна рыбу чистила, другая уток теребила. Осень, утки нагуляли жир перед перелетом, на два варева хватает. Но однажды подъехали на машине люди в форме, попросили документы, у Пашка их нет, забрали ружье, ладно, что без штрафа обошлось. А стрелял Пашко метко.

Тогда вместе стали на рыбалку ходить, с вечера соседку тетю Дусю попросят корову подоить и в табун отправить с теленком, а сами рано утром на старицу, что в двух километрах. Прохладно, штаны вмиг намокнут в росистой низинной траве, вода чмокает в резиновых китайских кедах, но на берегу костер разведут, чайник есть, хлеб, кусок сала, лук, соль. Было у них два любимых места, а тут вышли на чужое, хорошо обжитое, спуск к воде ступеньками оформлен, шалаш в густых кустах на случай ливня.

– Хозяина нет, может, посидим тут? – предложил Пашко.

– А коли придет да взбучку устроит?

– Не должен, нас двое, да мы и спорить не будем, сразу уйдем.

– Ладно, если кто из наших, – опять усомнился Сашко.

– Понятно, что из наших, сговоримся.

Клев был сразу хороший, натаскали чебачков, подъязков, Пашко трех щук на крюк вытащил, не сильно большие, но приличные, можно будет засолить, все зимой пригодится. Костер развели, чай из шиповника заварили, сахарку сыпнули горсть, налили по кружке.

– Суп вам с мясом да чай с сахаром, – услышали с высоты берега. Вскочили: дед Архип-Знаменосец.

– Здравствуй, дедушка Архип. А пошто без снастей?

Архип спустился к воде, сел на траву:

– Снасти пришлось собрать, нет клеву. Да мне и не надо, так, время провести.

Пашко догадался:

– Дед Архип, а мы не твое место заняли?

Старик, хмыкнул, только глаза повеселели:

– Я следом шел, а когда вы на мою чистинку сели, не стал спугивать, пошел на вашу. Рыбачьте, парни, я без обиды.

Сашко сполоснул в воде свою кружку и налил чаю гостю.

– С удовольствием. Сашко, дай-ка мне кусочек сальца, че-то вдруг слюнка потекла.

Помолчали.

– Да, не стает рыбы совсем, – вздохнул дед Архип. – Я с детства был отчаянный рыбак, по неделе жил на старице. Днем траву пособираю, домой принесу подвяленную, дедушка мой Антип выберет, какая правильная, а остальную соберет в горсть и скажет: «Снеси, Архипушка, ягнятам, им пользительно вольной травки подсушенной вкусить».

– А рыба как же? – не выдержал Сашко.

– Ничего не пропадало. У меня нож вострый, дощечка, весь улов почищу, попластаю по спинке и в корчагу, все лето со мной жила корчага. Ухожу – притоплю в воду, никто и не видит. Вечером посолю, утром вынимаю рыбу и на веревочку между двух колышков. На солнце да на ветру она моментом подбыгат, вот тогда в ящик и сверху придавить большим камнем. Все было припасено. За неделю слежится – пальцем не выколупать. Еда была настоящая.

Сашко ближе жмется, интересно ему:

– Дед Архип, а как ты в разведку попал?

Старик покряхтел, то ли вспоминать не хотел, то ли вопрос не вовремя, но ответил:

– Попал по глупости. Я же двадцать пятого года рождения, а в

военкомате соврал, что с двадцать третьего. Справку в сельсовете у секретарши, девчонки знакомой, выпросил. Я же рослый был, вот и взяли. Как-то еще до передовой устроили командиры борьбу, шайка на шайку. Меня кто-то сразу в морду кулаком, вот и завертелось, и своих, и чужих в одну кучу сложил. Какой-то высокий чин видел все это, велел меня отмыть и перевязать и с собой забрал. То была полковая разведка. Конечно, учили, и карту, и приметы разные. Только мне везло. В сорок четвертом я уже во фронтовой разведке служил, направляют нашу группу в тыл, нужен высокий офицер с документами. А где его взять? Нас семеро, лежим у хорошей дороги, паренек наш по рации засек, что большой чин будет ехать по этой дороге, кто-то кому-то передал, чтобы встречали. Командир наш решил его брать, а узнаем по охранению. Если впереди и сзади будут мотоциклисты, значит, важная птица. Часа через два едут. Ну, как что делать – это было отрепетировано. Наши ребята умели с тридцати шагов закидывать гранату в ведро, учебную, конечно, так что боевую в люльку мотоцикла можно, если не суетиться. Гранаты кинули, а машину трогать нельзя, нам человек живой нужен. И командир крикнул: «Не стрелять!» Из машины выскочили трое, а у нас распределено, кто бьет, потому что хором мы тут наломам дровья. Вот тут и кинулись к машине, он, падла, сумел из пистолета одного уложить, дверцу распахнули, на погон поинтересовались, кляп в рот, руки веревочкой за спиной, и побежали. Ну, то, что я вам рассказал, только в кино бывает, я диву даюсь, как они в телевизоре на ходу друг по другу очередями из автомата, и ни один не упал. Так не бывает. Не успели мы до леска добежать, а к месту захвата целый грузовик ребят подъехал, понятно, что мы с бугра, как на ладони. Выстроились они в цепочку и побежали. Командир кричит: «Их двадцать человек, надо оттянуть хоть на километр вглубь и дать бой». А мне приказывает с генералом бежать без остановки. Ну, понятно, что генерала так не гоняли, как нас майор Злотников, он у меня стал валиться. Я ему пистолет показал и зову вперед. Но сколько он мог? Еще с полчаса, и упал. И я упал. Прислушиваюсь: бой идет. Шестеро против двадцати. Если пропустят хоть троих, генерала мне придется пристрелить. Поднимаю его на спину себе, кило восемьдесят будет. Бегу. А мне же еще линию фронта переходить, а где наш проход, я уже не ориентируюсь. Но по времени догадываюсь, что где-то рядом. Привязал генерала к березе надежно, и пошел в разведку. Точно, стоит небольшое подразделение ихнее, похоже, минометчики, балакают, кофий пьют. Я назад, генерала на спину и в обход. Ночью перехватил меня наш дозор, помогли генерала доволочь, я прошу соединить с начальником фронтовой разведки полковником Трутневым. А особист уже тут: «Как это понимать, один и генерала взял с документами. Ну-ка, документы мне!» Портфель, понятно, у меня в рюкзаке, а я одно свое: «Доложите полковнику срочно: язык взят. Старшина Кукушкин». В общем, нашлись добрые люди, связались с Трутневым, тот сам на «виллисе» приехал, чуть морду не разбил особисту, а тот орет: «Проявил бдительность в сложных обстоятельствах!» Доложил я все честь по форме, что ребята, скорее всего, погибли. И тут меня снова в оборот: «А как ты живой остался?» Говорю, что командир группы приказал генерала доставить, а сам остался прикрывать. Но особисты – это такая порода, они сами себе не верят после обеда. В рыло мне, я дал сдачи, майор давай зубы считать, а рядовые свалили и мнут. В это время заходит человек, а в комнатушке полумрак, свеча горит, и все. Майор орет: «Кто такой, твою мать, почему без доклада?» Человек спичку черкнул, чтоб погон осветить: «Начальник штаба фронта генерал Табаков! Этот боец принес такие сведения, что ими заинтересовалась Ставка, товарищ Сталин дал команду самолетом доставить генерала и документы в Москву. Пойдешь под трибунал, майор. Арестовать!» А меня взял с собой, сказал, что лично товарищ Сталин приказал оформить на солдата наградные на Героя Советского Союза.

Сашко аж подскочил:

– Дак ты Герой?

Дед Архип засмеялся:

– Нет, брат, майор кому-то доводился кумом, судить его не стали, перевели в другое место, а представитель Ставки при фронте от подписи отказался. Тут через день контрнаступление немцев, и нас гнали километров пятьдесят. Какие тут награды, хоть бы штаны не потерять.

– Дедушка Архип, а почему тебя знаменосцем зовут? – не унимался Сашко. Он со стороны любовался стариком: здоровый детина с рыжей окладистой бородой и богатыми усами, за которыми совсем не виден рот.

Архип-Знаменосец покашлял и стал говорить, что вернулся с войны не сразу после Победы, потому что месяц в сводном отряде репетировал, как идти по Красной площади с немецким плененным штандартом, как круто разворачиваться и разом с другими ребятами бросать свой флажок в общую кучу. Ничего поначалу не получалось, особенно с разворотом, да и строевой шаг за войну сменили на шаркающую походку. Но полковник велел кормить бойцов вволю, час после еды отдыхали, а потом, разобрав обструганные палки с неношеными портянками, под капитанское «ать-два!» ходили по плацу, организованному на подмосковном аэродроме, круто разворачивались, мешали ряды, матерились все от рядового до полковника. Через неделю такой безделицы полковник на утреннем построении сказал, что этот проход с фашистскими знаменами будет основной частью большого парада на Красной площади, а на трибуне будет стоять Сам. Потому, если, оборони бог, что-то будет не так, как пообещали Самому, весь батальон знаменосцев, как его прозвали, лишится наград и поедет в Прибалтику и на Украину добивать бендеровцев и «лесных братьев». За три дня до назначенного времени отряд вывезли в столицу, и тренировки пошли ночами. А Архип после последней контузии стал плохо видеть в темноте, боялся, что «куриная слепота» к нему привязалась, дослуживал в помощниках у майора Злотникова и на первом же проходе порушил к едреной матери весь строй. Капитан дал команду «Стой!», быстро вычислил, кто виноват, взял мужика за грудки и притянул к себе: «Дыхни!» Капитан был отличный строевик, но он не предполагал, что может выкинуть солдат, три года проходивший во фронтовой разведке, имеющий все боевые ордена и медали, кроме командирских, к тому же не раз контуженный и урвавший воли под крылышком у начальства за очень удачных «языков». Архип напротив, вдохнул, поднял над толпой бараний вес капитана и кинул, на кого бог нанесет. Капитана поймали, он пришел в себя и, заикаясь, сказал, чтобы больше он этого бойца не видел. На другой день Архип Кукушкин поехал домой. А в письмах бабенкам, которых обихаживал не пяток ли штук, успел хвастануть, что трофейные знамена станет кидать по Красной площади. Но парад проходил, когда Кукушкин травы косил на заливных лугах для колхоза. Из пятерых только одна осталась при деле, а четыре непримиримых нежданно объединились и сдали Архипову хвастню всему бдительному обществу. С тех пор стал Архип именоваться Знаменосцем.

Архип улыбнулся и встал:

– Рыбачьте, ребята, а я домой.

Параня и Гараня вечерами тосковали до сладких девичьих слез. В клубе под потолком одна лампочка, полумрак, ни гармошки, ни песен и плясок. Матери их рассказывали, какие игрища устраивали в деревне, не смотри, что сенокос, а обмылись в теплой баньке и на площадку ко клубу. Тут тебе и Витя Андреев, гармонист не сосчитать, в каком колене, прадед его еще девок балалайкой завлекал, говорят, у него эти три струны такие мелодии выводили, что не только бабы – нетронутые девки плакали. И дед играл, начинал с балалайки отцовской, а потом гармошку из армии привез, тальянку. А отец уже настоящую гармонь освоил, трехрядную хромку, а с войны принес трофейный баян. До крайности овладеть время не хватало, надо было колхоз поднимать, но Витька подрастал, чтоб механизм не застаивался, доставал Андрей баян из футляра, и сын с полчаса меха продувал. Как-то Андрей повернул инструмент, а внизу медная табличка, и на чистом русском языке на ней выбито: «Московская государственная филармония». Андрея аж

мурашки пробрали: инструмент-то казенный, мало ли, как он тебе достался, а как честный советский человек, коммунист к тому же, должен был ты его из фашистского плена вернуть по месту прописки. Никому ничего не сказал старый боец, а в консерваторию написал: «Так, мол, и так, в освобожденном Берлине на квартире одного большого генерала увидал сей инструмент и спросил командира взвода старшего лейтенанта Соколова, можно ли реквизировать баян, потому как в родном колхозе средствов не хватит такую машину купить, а после войны народ развеселивать надо, хватит, поплакали. Лейтенант согласился и бумажку написал, что бойцу Андрееву этот баян достался как военный трофей и принадлежит по праву. И только вчера я случайно обнаружил этикетку вашу и прошу мне сообщить, каким образом баян выслать обратно в филармонию». Недели через три получил он пакет, в котором директор филармонии на официальном бланке благодарит солдата за сохранение для родины этого инструмента и пишет, что решено баян этот за номером И–154 навечно подарить Андрееву Андрею как память о войне. И подпись, и печать.

Витька быстро стал инструмент осваивать, любую песню, любую музыку по радио услышит – тут же сыграет. И почему его отец на учебу не отправил? Бедность, конечно, но сестры Перышкины нахвалиться не могли Витькиной игрой. Ни одна свадьба без него не обходилось, деньгами тогда неприлично было рассчитываться, а водку Виктор не пил. Весь вечер баян с колен не убирал, а утром снова то за столом, то по улице пойдут с песней, пока хозяева со столов уберут и по новой накроют. А теперь... одна пара там, другая тут жмутся. Тоска.

– Параня, может, в самом деле взамуж выйти и жить начинать семейно, а то останемся, как матери, без мужиков.

– Ну, ихних-то женихов война оженила, а у нас какой выбор? Мне вот Венька глянется, дак он на меня ноль внимания. Абы за кого – тоже не шибко охота с нелюбимым всю жизнь под одним одеялом. Да и противно, полезет к тебе, а в душе пусто. И что? Стонать, как в кино?

Гараня помолчала. Права сестра, хоть и не приятны ее речи. Она вот за Федюшку бы пошла, да у Феди Лида есть, и не отобьешь.

Шли, разговаривали. Только с коровами управились, еще светло. Навстречу Архип-Знаменосец, высокий, прямой, бородатый.

– Здравствуйте, дедушка Архип.

– Здравы и вы будьте, красавицы.

– Да какие мы красавицы, никто замуж не берет.

– Эка причина для тоски! Возьмут, корыстны ваши годы! Это мне, старику, одному куковать.

– А почему бы вам не жениться? Мужчина вы крепкий, статный, только вот бороду сбрить, и на свадьбу.

Знаменосец засмеялся:

– Бороду брить нельзя, я с бородой с войны пришел, с бородой и в гроб лягу. Потому что лицо мое избито и изрезано в рукопашных боях с противником, его людям показывать нельзя.

В это время к ним подъехала та самая машина с теми же парнями:

– Привет, девушки. Ну, что надумали?

– Привет, привет. А ничего не надумали. Узнали мы, для какой надобности вы нас вербуете. Поезжайте дальше, а то братьев свистнем.

Парни переглянулись, один вышел из машины:

– Девчонки, подойдите поближе, не на всю же деревню базарить. А ты, дед, валил бы домой к своей старухе.

Сидевший за рулем схватил за руку Параню, вышедший сгреб в охапку Гараню и сунул в открытую заднюю дверь, перехватил орущую Параню и пихнул в машину. Чья-то сильная рука урвала его за шею и кинула на землю.

– Девчонки, вылезайте, а я с ребятами потолкую, – крикнул Архип-Знаменосец и одним движением выдернул парня из-за руля. – Ребята, так за девушками не ухаживают.

– Глеб, сделай ему, сделай, он мне руку вывернул.

Лежавший на земле Глеб поднялся и прыгнул на спину старика, нанес несколько ударов ножом в бок, Архип еще сумел перекинуть его через голову и упал на землю. Парни бросились

в машину, и она рванула с места, оставив облачко вонючего дыма. Девчонки кинулись к старику, увидели его открытые неживые глаза и отпрянули. Сбежался народ, позвонили в район. Скорая и полиция приехали через час. Полицейские записали рассказы Парани с Гараней, загрузили тело деда Архипа в скорую, и машины ушли. Народ, впервые за много лет собравшийся такой большой компанией, молчал, только изредка какая-нибудь бабенка тяжко вздыхала. Все чувствовали, что в селе не стало чего-то высокого и значительного.

– Архип Петрович был последним участником Великой Отечественной войны в нашем селе, – сказала Мария Васильевна, бывшая учительница, и заплакала. И многие утирали слезы. Село вздыхало о последнем фронтовике и обо всех своих воинах.

Через три дня, в субботу, во двор сестер Перышкиных вошли три человека, постучали в окно, напуганные девчонки запирались с раннего вечера.

– Свои деревенские мы, открывайте.

В избу вошли два брата-тихони, Антон и Артюха, и их отец, слесарь Вакарин.

– Девчонки, вы моих парней знаете, они толковые, работящие, только больно в себе замкнутые, мать их такая же была. А пришел я к вам вот по какому делу: женить вас хочу, вы сами разберетесь, которая кого примет. Девчонки, будете как за каменной стеной. Они хоть и тихие, но себя в обиду не дадут и вас тоже. Одни останутся в своем доме, одни в нашем, а я перейду к теще, она уж в больших годах, одна не может. На обзаведение хозяйством все дам, у меня припрятано на черный день. Тогда я пошел, а вы тут разбирайтесь.

Деревня не знала еще такого сватовства, чтобы молодых сразу оставили одних, да еще парами. И пары-то не определились. Девки побойчей, давай разговор заводить:

– Парни, а что это вы жениться надумали?

– Батя заставляет. Говорит, хватит дома сидеть, всех девок разберут.

– Ну и как вы будете жениться, вот мы две невесты, как поделите?

Антон, видно, посмелее:

– Параня, ты пошла бы за меня, я бы тебя к себе увел, а Артюха с Гараней в вашем дому останутся. А что про хозяйство отец сказал – все чистая правда, он у казахов на заимке скот держит, даст и коров, и овец, а птицы дома полно.

– Вы, женишки, посидите тут, мы с сеструхой пошепчемся.

Ушли в маленькую комнатку, хоть стой, хоть падай. Не было ни гроша, и вдруг алтын. И смех, и грех.

– А что, Гараня, может, это и есть судьба. Дед Архип нас от позора спас, царствие ему небесное. Парни они добрые, их только поправлять, чтобы робили то, что надо. И достаток будет. А чего нам ждать? Нет, правда? На какой-нибудь гулянке подловит молодец, трахнет и отопрется. И куда потом? Как ты, а я согласна. Обожди, мне за которого выходить-то?

Обе пали на кровать и хохотали до колик. Вернулись, парни сидели, как сидели.

Параня спросила:

– Антон, так мы прямо сейчас к тебе идем или как?

Антон встрепенулся:

– А чего тянуть? Постеля заправлена, батя уже у тещи, банька протоплена на всякий случай. Артюха пусть с Гараней остаются, а после Рождества свадьбу справим.

Утром Пашко отправил Сашко на смену, а сам пошел к учителю. Викентий Амбросимович снова стоял над электроплиткой и варил макароны. Обернувшись на скрип двери, он радостно воскликнул:

– Мой юный друг, что вы скажете про гениальную надпись на склоне горы? Это поистине историческое событие!

– А почему вас как соучастника не привлекли, Митька один отдувался?

– Ответ самый простой: Дмитрий мог работать и приносить пользу обществу, которому нанес, как некоторые считают, моральный ущерб. Я же работать не могу, а даром кормить никто не будет. Кстати, об ущербе. Жаль, что не было настоящего судебного разбирательства, где я бы доказал, что мы с Дмитрием, к сожалению, не знаю его отчества, если и затронули

чью-то мораль, то самую малость, одну мегамиллионную от того вреда, который несет массовая культура и телевидение. Так, молодой человек, вы ко мне по делу или просто навестить компаньона?

– Навестить и по делу. Надо молитву искать, потом учить.

– Искать не надо, вот она, на столе, я распечатал на старой машинке.

Пашко взял лист и начал читать:

«Во имя Отца и Сына и Святого Духа. На море, на океане, на острове Буяне лежит сундук деревянный, в сундуке лежит ключ оловянный. Клад лежит, рогатый черт сторожит. Встану я, помолясь, выйду, перекрестясь. Бог в уме, крест на мне. Иду, спешу, глаз не поднимаю, Господа не забываю. Господи, одолей рогатого, одолей черта богатого. Рогатого побивай, богатство его забирай. Дай этот клад мне, моей грешной душе. Пусть заклятье любое разобьется, к душе моей грешной не подберется. Бог в уме, крест на мне, Божием рабе. Кто девять раз заговор этот прочтет, того ни одно заклинанье не возьмет. Дело мое крепко, слово мое цепко. Ключ, замок, язык. Аминь. Аминь. Аминь».

– Ну, как вам текстик? Особенно про рогатого. Напрасно, напрасно, батенька, улыбаетесь, если есть Бог, а он есть, стало быть, есть и антитеза, то есть, его противоположность, значит, дьявол. Его как угодно можно назвать, специалисты насчитывают несколько сот вариантов, а все равно это просто черт рогатый. Не страшно посягать на охраняемое им?

– Посмотрим, – хмуро сказал Пашко и вышел. Молитва смутила его. Он никогда не был в церкви, дома на божничке стоят две старые иконы, но кто на них нарисован, он не знает. Да и мать едва ли знала, каждую субботу протирая их и каждый вечер скоренько молясь.

Откуда у него возникла эта мысль, но первый магазин, в котором работала продавцом дальняя родственница тетка Матренка, Пашко решил взять один. Рассуждал так, что Сашко пока в это дело вовлекать не надо, а учитель еще ничего путнего в дело не внес, кроме расшифровки Соловецкой версты да устрашающей молитвы.

Ох, как не терпелось, но замок на складе ломать не будешь, вдруг там что на учете хранится, да услышит кто возню, все-таки не с девкой валындашься, а в частной собственности роешься. Если Петька-Партком узнает про клад – живьем в землю мерзлую зароет. Пришлось хитрить. Ночью тихонько спрятал около сарая лом, лопаты штыковую и совковую, фонарик приготовил. На другой день после обеда зашел к тетке Матренке:

– Тетка, ты во сколько закрываешься?

– В семь, но седни раньше уйду, спину прихватило. Разрешил барин.

– Не любят его в деревне...

– А за что любить? Ты торгуй, но меру знай. Ухватит за рубель, на продажу ставит за два. От людей стыдно. А зарплата? Поневоле воровать начнешь. Ладно, чего тебе?

– У тебя в сарае за магазином никаких бумаг нет? Прямо беда, кочегарку разжечь нечем.

– Пашко, да я там и не была ни разичку. Вот ключ, сходи, погляди, что найдешь – все твое.

Пашко с трудом открыл заржавевший замок, протиснулся, притянул обратно дверь, кинулся к середине стены. Ворох старых мешков и бумажных коробок распинал ногами, лопатой расчистил место. Навострил штыковую, приступил ногой – вся вошла в сухой грунт. Сердце бешено колотилось, но не надо спешить. Инструменты спрятал, замок оставил открытым, ключ унес тетке Матренке, поблагодарил за бумагу.

– Не мешал я тебе, когда там ящики разбрасывал? – спросил между прочим.

– Ничего не слыхать, тут же метровые стены, не то, что в наших двухквартирниках, да еще спальню к спальне сделали, стыдоба. Мой после первой же ночи, как наслушался Федоркиных охов да ахов, кровать в детскую перетащил, а для ребятишек кошму у казахов купил во всю стену да ковром завесил. Ладно, иди, закрываю я.

Пашко приготовил длинную веревку, пришел после управы, когда все по домам и магазин на клямочке, вбил гвоздь в косяк, привязал веревку и аккуратно обошел магазин, просовывая веревку в щели между стеной

и складом. Завязал на веревке узел, чтоб не потерять результат. Пришел в котельную, Сашку ничего не сказал, за столом вычислил, что осталось ему за вычетом шести полных охватов намерить двадцать пять метров и еще треть. Пашко чуть не вскрикнул: ширина магазина пятнадцать, длина двадцать, значит, зарыт клад ровно посередине задней стены. Вот идиот этот месье, придумал всякую хрень, нет, чтобы прямо сказать: ребята, ройте посередке!

Пашко вернулся в сарай и стал неистово рыть. Сухой грунт осыпался, пришлось устье расширять, согнутой совковой лопатой вынимать землю аккуратно.

«Сволочи кулацкие, какая нужда была загонять на метр? Если кто и догадался, то хоть на пять, все равно выроют». Взмок, полежал, понял, что придется для себя площадку заглублять. Прилично ушел в землю, размеченной палкой ткнул: ровно метр. «Твою мать, а как вовнутрь-то рыть? И сколько? Сказано было, чтобы не материться, а я гоню. Тьфу, про молитву забыл. Нет, не я буду, если не добьюсь. И платформочку-то под ноги надо было спереди делать, а не сбоку. Сейчас бы и вовнутрь легче было».

Рыл неистово, кухонным ножом колупая слежавшийся грунт, с головой опускался в яму, выгребая горстями комочки. Голова кружилась, пот заливал лицо. Захватил полную грудь воздуха, опустился в яму и... сорвался. Одна рука внизу, другая зажата между стенкой и телом. Пашко сильно испугался, орать – опасно, да и бесполезно, кто услышит? Поймал черен лопаты, упер ее в днище ямы, левой рукой оперся о землю, правой подтягивался на черене. Подтянулся еще, сломал ногти на левой руке, пытаясь хоть как-то ухватиться за стенку. Вроде удалось, с трудом вылез из ямы и упал на спину.

«Надо бы за Сашком сходить, он со свежими силами», – подумал и отказался: сам начал, сам и доведу до конца. В метре от стены начал копать ступеньками до самого дна, вот тут и вовнутрь пошло ловчее. Копал большим ножом, под уклон, как нижняя перекладина креста. С трудом выгребал землю, и она уже мешала, хоть вылезай и снова выгребай наверх. У парня сердце екнуло: ножик уткнулся во что-то мягкое и податливое. Он уже смело лег на живот, зная, что по новому проходу сумеет выбраться, и засунул руку в нору. Ухватил что-то мягкое, потянул, выволок небольшой кожаный мешочек. Сунул его под мышку и включил задний ход. Отдышался, сел на краю канавы, достал мешочек и осветил фонариком. Несколько десятков монет. Вынул одну, протер – блестит. Золото. Бросил монету обратно, мешок спрятал в карман фуфайки. Хотел было закидать яму, и вдруг подумал: «А если там не один мешочек? Что же я дурку гоню! Надо искать».

Как потом хвалил себя Пашко, потому что еще два мешочка выволок, только там было золото плашками. Яму он с трудом завалил и побрел домой. Аниска встретилась по дороге:

– Привет, Пашко. Ты что такой грустный?

– Устал на работе.

– Ой, не заливай. Какая работа? Я в котельную заходила, Сашко там с ребятами в карты режутся. Я ему мигала-мигала – все по фиг, одни козыри на уме. Слышь, Пашко, давай, я тебе подмигну?

– Нет, Аниска, никак не могу сегодня, еле ноги волочу.

– А ты с каких это приисков, полные руки инструментов?

– Ты не поверишь, Аниска, с золотых.

Аниса весело захохотала и побежала искать свои приключения.

Пашко спрятал под кровать мешочки, завернутые в старую холщовую тряпицу, и уснул тяжелым сном.

Ему поочередно приснились Викентий Амбросимович, черт и голая Аниска. Таратутов, ставший безобразно полным и медлительным, сразу объяснил перемены неумеренным питанием, потому что голуби содержат в своем мясе еще не открытое учеными вещество, сильно влияющее на мужскую силу, а коли у него нет выхода этой энергии, вся она скапливается и однажды вырвется на волю.

– Вот тогда, тогда, – грозно произнес учитель, – пусть Мякеша будет готова к великим испытаниям, я отомщу ей за поруганную мужскую честь.

Таратутов рассуждал, как будто клад уже найден:

– Куплю себе новые туфли, пошью костюм с отливом – и в Ялту!

Пашко уже слышал когда-то эту фразу, но представить Амбросимовича в новом костюме не мог. Потом появилась Аниска. Правда, не совсем голая, на ней был перстень с блескучим камнем и цепочка на шее с большой Сашкиной фотокарточкой с комсомольского билета. Она села напротив на шаткую табуретку и положила ногу на ногу. Мощные груди, которые Пашко до этого видел только через кофточку, нагло топорщились и дразнились. Он сразу понял, что Аниска пришла его охмурить и утащить холщовую тряпку с золотом. Девка не без умысла молча перекидывала ногу на ногу, и тогда еще более соблазнительное видение являлось бедному парню. В это время заорал кот, упавший с полатей на горячую плиту, и Аниска исчезла. Но дел она натворила, Пашко повозился в постели, завыл и пошел колоть дрова. Чуток охлынув, вернулся и снова уснул. Сразу краешек одеяла приподнял какой-то урод со свиным рылом и хихикнул:

– Узнал? Эх, Пашко, зачем ты полез за чужим? Сказано тебе было, что я его поставлен охранять, нечто ты не знаешь, на что черти способны? Я вмиг могу превратить тебя в зверя любого или, того хуже – в депутата. Я, правда, не знаю, кто это есть, но по тому, как матерят их мужики, думаю, наказание будет ужасное. А еще могу превратить твои монетки и слитки в говно, круглое и плиточками.

Черт заржал диким хохотом и рванул через печной чувал на волю. Пашко еще подумал: «Как это он? Ведь вьюшка закрыта!» А потом вздрогнул: что с золотом!? Свалился с кровати, выдернул тряпицу, развернул, а оттуда завоняло. Пашко заплакал и проснулся. В самом деле проверил тряпицу – все в порядке. Мелкая дрожь колотила его. Грешным делом, явилась было мысль, что зря связался с золотом, говорили добрые люди, что от него одни неприятности. Посочувствовал новым русским, живущим в роскоши и богатстве, как же они спят, бедные, если им черти каженную ночь являются, они ведь тоже золотишко-то не сами сыскали или добыли, оно, считай, уворованное и к тому же без молитвы.

Чуть рассветало, пошел к Викентию Амбросимовичу. Тот сидел в жарко натопленной избе и теребил курицу.

– Что это вы от голубей отказались? А говорили, что самая полезная птица.

– Не оспариваю, но, знаете, и шоколад, говорят, приедается. А вчера пошел погулять перед сном, слышу: у Мякеши уж больно шумно в курятнике. Я же расположение знаю, открыл дверь, посветил фонариком: ласка трех штук задавила и четвертую душит, кровь пьет. Понятно, во мне она конкурента сразу увидела, я грешить не стал, трех курочек, еще теплых, за лапки и домой.

Пашко начал издалека:

– Вот, Викентий Амбросимович, случись так, что золотишко действительно есть, и немало. Что вы с ним собираетесь делать? Жрать его не будешь, тетка Матренка на кусок золота даже булку хлеба не даст, она его знать не знает. И куда мы с ним? Богачи – голодные и оборванные.

Таратутов с ненавистью вытаскивал из куриной тушки перекушенное горло, Пашко схватил нож и, отпихнув руку учителя, отпластнул шею.

– Ее же ласка жевала, она может быть бешеная.

– И что? Больше, чем я имею, бешенство мне не грозит. К тому же шейка – самое нежное мясо. Ладно, прощаю. У меня еще две.

– Так что о золоте?

Викентий Амбросимович тщательно вытер руки, сунул курицу в кастрюлю с водой и включил электроплитку.

– Понимаете, сын мой, есть несколько путей реализации драгметаллов. Назову наиболее доступные вам. Во-первых, можно пойти и сдать все в органы, кстати, вы и обязаны это сделать, иначе конфискация и тюрьма.

Пашко, плохо понимая, переспросил:

– А что страшней – тюрьма или конфискация?

Учитель хмыкнул:

– Обе страшнее. По закону нашедшему полагается двадцать пять процентов от стоимости клада и столько же владельцу земельного участка, на котором найден клад. Это я вычитал в новом законе демократов. Конечно, можно утверждать, что клад нашел в собственном туалете, тогда надо три свидетеля. К тому же вас непременно обманут, потому что в государственных органах не может быть людей, способных решить дело без корысти. Второй вариант. Сдать золото в банк. Не в нашу сберкассу, а в областной банк. Но тут есть проблема. У вас могут поинтересоваться, откуда дровишки? А тогда опять конфискация и тюрьма. Наконец, фарцовщики. Но, даже если вас с ними сведут, они посмотрят на жалкое крестьянское происхождение и опять же ограбят.

Пашко не выдержал:

– Что вы заладили: ограбят, обманут, посадят. Слушать тошно.

Помешивая варево и снимая поварешкой накипь, учитель усмехнулся.

– Вы зря волнуетесь, молодой человек. Не исключено, что бывший купец, точнее, его наследник, просто пошутил, вы будете рыть, а там пусто.

Пашко насторожился:

– Это как прикажете понимать, месье Таратутов? «Вы будете...» А вы?

Месье смахнул слезу:

– Понимаете, друг мой, мне поздно тетешкать мысль о благополучии. Если уверую в чудо, душа моя взлетит, а вдруг фикция – я просто не перенесу.

Пашко стало так жалко старика, что он едва не проговорился, но воздержался, потому что дал себе слово только тогда открыться, когда можно будет дать каждому его долю рублями.

– Ладно, не горюйте, до лета еще далеко, – успокоил кладоискатель.

– Причем здесь времена года, позвольте вас спросить?

– А как зимой землю долбить? Нет, только летом, когда грунт отойдет, в июне, не раньше.

Хозяин сошвыркнул из деревянной ложки глоточек бульона, остался доволен, засыпал в кастрюлю крупные куски чищеной картошки, прибавил накал спирали и сел к столу.

– Я просил вас точно указать на схеме, где ввод электропроводки в магазины. Что скажете?

– Ввод с левой стороны по ходу. И что?

– Вы видите электроплитку? Под действием тока происходит нагревание металла. Если мы найдем приличную круглую штуковину и через хорошо просчитанную схему подключим ее к сети, то эта штуковина...

– Люк от водопроводного колодца! У нас в котельной пара валяется! – крикнул Пашко.

– Гениально! Я должен знать массу этой крышки, проще сказать – вес, а потом надо садиться за расчеты и искать нужные материалы. А именно: медный кабель, сопротивления, предохранители. Это я все напишу.

– Аниски Кургузкиной отец электриком служит в комхозе. Найдем.

Дома Пашко закрылся на крючок, высыпал содержимое мешочков в большую чашку и стал промывать теплой водой с мылом. Вымытые плитки и монеты выкладывал на чистое полотенце, потом протер, сложил в материн старый платок и сунул в старый сапог, оба они давно валялись в подполье. Здесь никто не найдет, Сашко вообще в подпол не лазит, даже за картошкой. Три монеты завернул в тряпочку, одел приличный костюм, ботинки, курточку китайскую теплую, взял документы и пошел на выезд из деревни. Первый же грузовик остановился:

– Далеко ты прифраерился? – спросил водила Мишка Японский Городовой.

– В военкомат вызвали.

– В армию заберут? – посочувствовал Мишка

– Не знаю. Может, оставят.

– Ага, на племя. Из вас двоих лучше Сашко оставлять, он, говорят, полдеревни девок огулял, – похвалил Мишка.

– Болтают. Когда ему гулять, он из котельной не вылазит.

– Ты там долго?

– Не знаю, – коротко ответил Пашко.

– Смотри, а то я через пару часов обратно. Дарма довезу. Я у газпромовской конторы буду. Найдешь.

Пашко вышел на повороте и быстро пошагал в сторону банка. Народу в зале немного, постоял, почитал красивые листочки, случайно увидел, что банк золото закупает. Аж ахнул: ну, катит ему сегодня! Подошел к окошку, за которым сидела молодая симпатичная девушка.

– Здравствуйте.

– Здравствуйте. Слушаю вас.

– Я вот прочитал объявление, что вы золото покупаете.

– Это не ко мне. Гуля, к тебе клиент! – И Пашко равнодушно: – Пройдите к третьему окну.

Гуля, казашка, тоже молодая и красивая, вежливо поздоровалась:

– Слушаю вас.

– Я бы хотел сдать золотые монеты.

– На хранение? – спокойно спросила.

– Нет, за деньги.

– Покажите монеты.

Пашко осторожно положил в лоток три кругляша. Гуля взяла монеты, долго рассматривала, включала какие-то аппараты, потом взвесила и подняла глаза:

– Вы знаете, банк купит ваши монеты, но это не простой процесс, к тому же вы заплатите налог. В общем, в результате, если все нормально, вы получите вот такую сумму.

Она написала цифры на бумажке и показала через стекло. Пашко кивнул. Она поманила его пальцем ближе к окну:

– Я могу купить эти монеты прямо сейчас, для себя, вы, наверное, знаете, что казашки любят золотые украшения. Я дам вам вот такую сумму.

Опять листочек с цифрами.

– Это чуть меньше, чем банк, но никакой волокиты. Я даже паспорт ваш не спрашиваю, потому что монеты действительно настоящие. Вы согласны?

– Прямо сейчас? – испугался Пашко.

– Да, я только сниму деньги с карточки. Монеты пока можете взять.

Пашко трясло. Таких денег, какие написала эта девчонка на листочке, ему в котельной за десять лет не заработать. И это только три монетки! А у него их тридцать! У парня закружилась голова, он сел на стульчик. Скоро пришла Гуля.

– Вот, смотрите, это счетная машинка. Я закладываю пачку, она считает. Видите сумму? Все сходится, правда? Вы довольны? Только прошу вас о нашей сделке никому не говорить. Меня уволят с работы. Извините, а вы не можете достать еще несколько монет? Я бы купила их по той же цене.

Пашко помялся.

– Я пока ничего не могу сказать, но если что-то будет, я к вам приду.

Гуля спросила:

– Извините, вы куда с такими деньгами? Давайте положим их во вклад, а прямо сейчас оформим банковскую карту, и на ней будут храниться все ваши средства. Согласны?

Она принесла бланки, что-то набирала на компьютере, сделала копии паспорта, спросила, сколько он хотел бы оставить себе, остальные занесла на счет. Пашко где-то расписался, получил голубенькую сберкнижку, пачку денег спрятал во внутренний карман пиджака.

– Спасибо вам, – улыбнулась Гуля из-за стекла. – За карточкой приходите через три дня.

Молча менялись сменами с Сашко, ни тот, ни другой не заговаривал о кладе, хотя вместе оттирали от ржавчины водопроводную крышку, вместе ходили в магазин к тетке Матренке, чтобы она взвесила эту штуковину. Тетка ворчала, но прибодрила железяку и назвала вес. Пашко записал. Братца отправил к Кургузкину, чтобы он завтра подтащил к котельной свой сварочный аппарат, а расчет на месте. Пашко припрятал две бутылки водки и позвал Викентия Амбросимовича, чтобы он руководил сваркой. Кургузкин осмотрел крышку и прямо спросил:

– Мужики, если вы самогонный аппарат решили сварганить, то крышка не годится. Говорите прямо, что надо изобразить?

– Понимаете, господин Кургузкин, надо к этой крышке прикрепить два медных кабеля, чтобы она была вроде кипятильника.

Кургузкин посмотрел на учителя, как на ребенка:

– Сразу закоротит, и амба. Нахрена вам такой кипятильник?

– Нет, позвольте, товарищ Кургузкин, научный эксперимент. Мне известно, что надо в сеть включить целый ряд приборов, но каких – научите! Вы же профессионал!

– Знамо дело, что не учитель. Надо, чтобы эта хрень раскалялась до красна?

– Нет, до красна не надо, это опасно, а вот чтобы черная и очень горячая.

Кургузкин огляделся, видимо, соображая, кто будет рассчитываться. Пашко кивнул: расчет на месте.

– Тогда плесни мне сто пятьдесят, а я доеду до своей каптерки, подберу, что надо. Но, ребята, имейте в виду, линию садить будет прилично.

К вечеру полупьяный Кургузкин все сделал в лучшем виде. Тут же подключили конструкцию, плита за пятнадцать минут накалилась, аж вода отскакивала, не закипев. Получив полный расчет, Кургузкин пошел заводить трактор. Пашко вышел за ним следом.

– Про эту конструкцию никому, понял? Если кто-то на напряжение будет жаловаться, вали на трансформатор или замыкание, но про нас ни слова. А за молчание я тебе хорошо заплачу. Будет все хорошо – Сашка на Аниске женим, у них вроде как любовь.

– Пашко, жени, жени от позора. Вчера мать сказала, что дочь вроде на соленое поворотило, а это херовая примета.

– Не паникуй, все уладим. Она от братка и подхватила, больше некому. Я-то знаю, что они у нас курдаются. В общем, язык прижми, и все в наших руках. Ты меня понял? Смотри, дело очень серьезное.

– Да понял, Пашко, понял, ты хороший парень, я и отца твоего уважал.

Из двух оставшихся магазинов Пашко выбирал наиболее удобный. У хозяйственного задняя стена совсем голая, начнешь возиться – с соседней улицы увидят. К мебельному вообще не подобраться, за магазином дорожка протоптана, ребятишки напрямую в школу ходят. Вечером братцы пошли к хозяйственному с лопатами хотя бы снег разгрести, добрались до земли, вокруг выложили бруствер из снежных кирпичей. Если что – будто ребетня играет. Приволокли конструкцию, толстый медный кабель закрепили в зажимах, стянув болты, Пашко взял стремянку, Сашко притянул два конца кабеля. Пашко крючками согнул оголенные концы и полез к вводу, подвесил один провод, осторожно завел второй. Сноп искр, и тишина. Пашко спрыгнул с лестницы и кинулся ко крышке. Сашко отодвинул, не дай бог – наступит. Посветил фонариком, а из-под крышки уже пар идет.

– Сашко, ничего не трогай, я все лишнее унесу и усну пару часов. Потом сменю тебя.

Дома поел холодного мяса, сказал, что у друга подешевке купил. Выпил кружку горячего чая, прилег на кровать. Он до сих пор не сказал компаньонам о первом кладе, иной раз порывался, но останавливался. Правда, были и оговорки: вот возьмем второй, тогда и разберемся. А мысль грызла: нет второго и нет третьего – тогда как? Конечно, все поделим на троих, о чем может быть разговор? Так думал, только резко отгонял эти мысли.

Он проспал четыре часа, к магазину прибежал уже в два ночи. Сашко еле жив от холода, но улыбается: крышка на четверть ушла в землю.

– Ты иди домой, завтра твоя смена, а я потом отключу установку и вычищу грязь. В семь часов подбежишь, надо агрегат домой утащить и землю снегом закидать.

Пытался греться над крышкой, но мешал теплый пар, потом было еще холоднее. Выскакивал на улицу и пробегал метров по триста в обе стороны. Грело золото в метре под ногами, грела сберкнижка, даже несколько хрустящих бумажек в кармане нательной рубашки.

Приволок стремянку, поднялся, аккуратно потянул кабель, опять сноп искр, снял второй, все утащил за магазин. С трудом вытащил крышку, хорошо, что учитель посоветовал приварить по центру скобу. Лопатой стал выгребать грязь и укладывать ее в подготовленную в снегу яму. Когда дошел до мерзлоты, череном лопаты замерил глубину: неплохо, сантиметров

тридцать. Выматерился чуть не вслух: надо утеплить ямку, чтобы не промерзало дальше. А чем? Побежал домой, ухватил несколько драных половиков, фуфайку, вернулся с санками, все тряпье спихал в яму, сверху закидал снегом. Грязь тоже завалил. Сложил все на санки и пошел домой. Подумал: надо утром проверить, хорошо ли замаскировал, лег, не раздеваясь.

Будильник звякнул, Пашко кинулся к магазину. Светает, огляделся, нырнул за угол, бруствер стоит, все снегом усыпано. Остался доволен. Дома снял железное ведро с плиты, налил в таз горячей воды, голову вымыл, лицо с мылом, по пояс обтерся влажным теплым полотенцем. Одел все чистое и теплое, вынул из схрона пять монет и пошел на автобусную остановку. Людей немного, холодно, все молчат. В банк заходил смело, была какая-то уверенность, что он имеет право заходить в этот банк, здесь его деньги хранятся.

Гуля встретила его улыбкой, как старого знакомого:

– Ваша карточка пришла, я помогу вам перевести деньги со сберкнижки на карту. Эта машина называется банкомат. Вводим счет сберкнижки, номер вашей карты, переводим всю сумму. Так, теперь откройте конверт, мне не надо показывать, и никогда никому не показывайте и не говорите ваш пароль. Видите, там четыре цифры. Вы их вводите вот в это окно. Теперь осуществляем перевод. Все прошло. Введите еще раз свой код. Нажмите слово «Баланс». Банкомат показывает вам, что все деньги поступили на вашу карту. Если вам потребуется снять деньги с карты, обратитесь к дежурному консультанту, вам помогут. Так, никаких новостей нет?

– Есть, – кивнул Пашко.

– Пройдите в кабину. Сколько?

– Пять штук.

– Отлично. Цена та же. Мне надо с полчаса, чтобы собрать деньги. Ровно в одиннадцать приходите.

Гуля при нем пересчитала банкноты и в спецкабинете, где обычно снимают и вносят деньги большие люди, помогла положить их на карту. Заставила проверить баланс: да, вся сумма поступила.

– А если я потеряю карту?

– Запишите телефон, позвоните, карту тут же заблокируют, и никто не сможет ею воспользоваться. У вас хорошая память? Запомните код, эти четыре цифры, или запишите так, чтобы никто не мог догадаться. Всего вам доброго. Да, если у вас что-то появится, вот мой телефон, позвоните, я буду готова.

Из банка пошел искать стоматолога, слышал, что эти люди покупают золото и делают из него зубы для богатых. Спросил одного-двух, указали дорогу. Переждал нескольких клиентов, вошел.

– Раздеваться надо хотя бы в коридорчике, там вешалка, – проворчал врач.

– Я на минутку. Мне надо продать золото, – спокойно сказал гость.

– Понимаю. Кольцо, серьги?

– Слиток, – еще спокойней и ровнее ответил гость.

У стоматолога сползла повязка и скособенились очки.

– Слиток? И откуда он у вас?

– До свидания, – сказал Пашко и повернулся.

– Обождите! Я не то хотел спросить. Он большой?

Пашко подумал:

– Скорее всего, вас устроит двадцать пять граммов.

– Очень интересно. Когда вы его принесете?

– Меня интересует цена, – деловито ответил гость.

– А меня проба.

– Проба стоит на слитке, 96, высшая по царской шкале, я смотрел в справочнике. И ей нельзя не доверять, это клеймо Императорского Банка России. Я имею в виду царскую Россию.

Стоматолог остолбенел:

– И сколько вы можете предложить?

Пашко явно играл, ему нравилось быть хозяином положения, диктовать свои условия:

– Сколько вы способны оплатить?

– Принесите экземпляр, я посмотрю.

Пашко кивнул, вроде пошел, но обернулся, сказал спокойно:

– Только имейте в виду, я буду не один, так чтобы без фокусов.

– Напрасно беспокоитесь, я дантист, а не бандит.

– Вот и хорошо. Я приду послезавтра в десять утра.

Пашко уже заметил, что стал меняться, появилась уверенность и даже самоуверенность. Ты посмотри, как он сегодня разговаривал с Гулей – как с равной, если в прошлый раз он был унижен просьбой купить монеты, то сегодня она уже интересовалась и заглядывала в глаза. Будь она русской, Пашко непременно подумал бы, что вместе с монетами ее интересует и их обладатель, но Гуля казашка, она и думать не смеет о русском женихе, как бы он ей ни нравился, к тому же, похоже, она на собственную свадьбу собирает богатое монисто. А может, и того проще: купила за одни деньги, поехала в Казахстан, продала за другие.

А зубодер! Как он нагло встретил и как ласково проводил до самых дверей! И все это – деньги. Деньги делают человека человеком! Вот в чем смысл! Кто он был вчера? Кочегар из деревенской котельной, сирота без роду и племени, неуч с восьмилеткой. А сегодня? Он может купить машину покруче вон той, может отторговать особняк в райцентре. Может! Но как? Ведь непременно найдутся людишки, которые капнут куда следует, и как потом объяснять появление в пустых карманах миллионов?

Но ведь надо сперва поделить эти миллионы. Таратутову можно дать немножко, и он будет доволен. Сашко тоже не особо соображает в этих делах, женить его на Аниске, домик купить в районе, машину со временем, а сослаться на богатое приданое, которое дал за дочкой любящий отец.

Опять вперед забежал! Надо сначала добыть клады еще в двух местах, дело, кажется, пошло. Сегодня ночью придется снова греть. С вечера все направить, оставить Сашко дежурить, а к утру идти завершать.

Когда Пашко выложил на стол всю еду, которую купил в районе, Сашко засмеялся:

– Браток, ты не под клад ли взаймы хапнул? Смотри, а если облом?

– Не боись, аванс выпросил у бухгалтера, годовщина завтра матери моей.

Сашко сник. И брата обидел неуместной шуткой.

Выпили по сто граммов хорошей водки, поужинали. Сашко аж заотпыхивал, давно так не ел. Брат толкнул в плечо:

– Губу не раскатывай, что под одеяло и Аниску ждать. Ты у нее приспросись, с кем она до тебя гарцевала.

– Ты что, братуха? Ни с кем.

– Сашко, это твои заморочки, ни с кем, значит, только с тобой. Тогда поздравляю тебя, папаша, Аниска беременна, отец проболтался. Да не смотри ты на меня так! Я же не против. Девка она и в самом деле славная. Короче, одевайся, пошли работать.

Настроив все оборудование, Пашко забежал к Викентию Амбросимовичу. Тот лежал на продавленном диване и под мощным уличным фонарем, укрепленным на стенке, читал старую «Роман–газету».

– Чем обязан вашему позднему визиту? Как работает наш аппарат? Я хотел сходить, но привлекать всеобщее внимание к нашему уникальному проекту воздержался. Говорите же!

Пашко спешил, надо было немного поспать, потому сказал кратко:

– Все работает, но медленно протаивает земля. Не могли бы вы сказать, на сколько сантиметров промерз грунт?

– Одну минутку, я подниму старые записи. Так, на средину декабря... Видите ли, тут зависит от толщины снежного покрова.

– Ищите: снега семьдесят сантиметров, – подсказал Пашко.

– Извольте. Нынешняя осень похожа на осень... 1997 года. Значит, пятьдесят сантиметров, мой любезный друг.

– Благодарю за информацию. Сегодня мы должны пройти мерзлоту.

Проснулся от того, что кто-то толкал его в плечо. Очнулся – Сашко.

– Пашко, перестала греть.

– Давно?

– Не знаю. Я понял потому, что пар не идет.

Оба бегом побежали на объект. Пашко встал на колени и щупом поискал фазу – нету. Схватил стремянку и кинулся к боковой стене. Один кабель лежал на снегу, не доглядел, оставил

несколько жилок провода – перегорели. Зачистил изоляцию, загнул крюк, полез на стремянку. Сноп искр, Пашко скатывается с лестницы и бежит к яме. Щуп сразу находит фазу.

– Сашко, иди спать, я дождусь утра.

Он положил черенья двух лопат поверх ямки и накрыл тряпками: все тепло остается внутри, скорей прогреет. Дойти бы до талого грунта. А там легче. Ступеньки выдолбил, чтобы под фундамент легче было пройти. На это еще ночь. А сил нет. Одно согревает: есть золото, оно мое, даже если тут ничего не найдем – гори оно все синим пламенем! Опять бегал по улице взад и вперед, опять промерзли ноги. Какие унты он видел сегодня на рынке! Но как купишь, на какие шиши? Как брательнику объяснишь? Он тоже ходит в старых пимах с галошами, в котельной иначе нельзя. В шестом часу отключил провода, собрал все на санки, вычистил оттаявшую грязь, аккуратно сложил ее в снег и привалил сверху. Расчистил возле ямы грязь, присыпал снежком, встал на колени, ножом дотронулся до дна. Нож вошел в землю! Это большая удача. Быстро столкал в яму тряпье, насыпал бугор снега, отвез санки с оборудованием и инструментами, вернулся, осветил фонариком – все в полном порядке. Довольный, потащился домой.

На встречу со стоматологом взял с собой Гошу Семиколенного, такое прозвище было у его отца, и у деда, и трое его ребятишек отгаркивались на этот странный зов. Гоша был высок ростом, голос имел грубый, словно в трубу говорил, а сила была в нем такая, что, случись где буксануть его «жигулям», он цеплял веревку за передок и выволакивал машину на чистинку. Мужики все говорили:

– Тебе, Гоша, надо в город ехать, в цирк устраиваться. За такие фокусы там добрые деньги платят.

Гоша отмахивался:

– Да ну вас! У меня дома свой цирк, только вот клоуна не хватает.

Поехали на Гошиной машине, Пашко предупредил:

– Стоишь и молчишь, молчишь и стоишь. Когда надо будет, я тебе подскажу.

Гоша внимательно смотрел на дорогу и требовал конкретности:

– Если в рыло кому – за всяко просто, если мебель перевернуть – как два пальца об асфальт. Ты только скажи, за твои деньги я весь райцентр раком поставлю.

Зашли в стоматологию, Пашко только сейчас обратил внимание, что она сделана в двухэтажном доме, квартира бывшая перепланирована. Пашко ждать не стал, открыл дверь, врач поднял голову:

– Одну минутку, я сейчас закончу.

А уже через минутку:

– Пожалуйста, входите.

Пашко вошел, и Гоша тоже, но, показав его зубодеру, приказал быть в коридоре и ждать.

– Охрана? А вроде без оружия.

– Ему не надо оружие, опасно. Он только рявкнет, все, кто в силах – убегают, а остальные мочатся.

Стоматолог хихикнул. Пашко подал ему брусочек. Врач долго рассматривал его под лупу, потом хотел уйти в соседнюю комнату.

– Брусочек оставь, – спокойно попросил Пашко.

– Но мне надо проверить... – залепетал доктор.

– Вот тут и проверяй.

– Тогда пошли вместе.

Понимал толк в металле стоматолог, и из пипетки капал, и под светящийся аппарат клал, потом обтер тряпочкой, вернул хозяину.

– Ваша цена?

Пашко назвал цифру на десятину меньше, чем в банке. Врач подавил кнопочки на телефоне, попросил скинуть двадцать процентов.

– Нет, – сухо ответил Пашко и встал.

– Молодой человек, это золото незаконного происхождения. Если я вызову милицию...

Пашко улыбнулся:

– Не успеешь. Гоша убивает на раз. А когда милиция приедет убрать твой теплый труп, Гоша промычит, что ты ему сверлил зуб и сделал больно, вот мужик и не удержался. Послушай, лекарь, ты делай свое дело, этой пластинкой ты стольких дурочек осчастливишь и столько бабла соберешь,

что сам меня искать будешь, не продам ли еще.

Хозяин вроде одумался, предложил записать телефон и позвонить через неделю. Есть несколько коллег, которые обязательно заинтересуются столь чистым металлом.

– Вы знаете, меня восхитило клеймо Банка Российской Империи. Не искушайте: это клад?

– Да ну, какой клад. Старый туалет чистил, вот и выпали, – с улыбкой ответил Пашко.

– Да, от вас лишнего не услышишь. Значит, я жду через неделю.

– Интересующихся предупреди, что торговать будем в банке, через их аппараты. Деньги на карточку, товар в салфетку. И чтоб без фокусов. Я в любом случае выкручусь, а потом с Гошей в гости домой приду. Не пугаю, предупреждаю.

Позвонил Гуле и объяснил ситуацию, что есть клиент, обещал еще подогнать своих, но опасно, народ битый, нельзя ли как-нибудь через кабину?

– Вы можете сейчас зайти ко мне? – спросила она.

Встретила с улыбкой, указала на кабину, сама прошла на рабочее место. Широко открыла стекло.

– Вас зовут Павел? – с улыбкой спросила она.

– Павел по паспорту. А так – Пашко.

– Странное имя.

– Не я придумал, – ухмыльнулся парень.

– Извините, Пашко. Я не совсем поняла: вы хотите кому-то продать монеты? Я же просила подождать. Скажите, это строго между нами: у вас их много?

– Сейчас штук двадцать пять, – равнодушно ответил он.

Гуля испуганно всплеснула ручками:

– С ума сойти, это же целое состояние. А почему вы уточнили: сейчас?

Пашко усмехнулся:

– Думаю, будет больше.

Гуля испуганно на него посмотрела:

– Пашко, разве это подделка?

Парень испугался:

– Что вы, Гуля, все натуральное. Но есть слитки, которые хотят купить стоматологи. Только я боюсь, обманут, потому просить хотел, чтобы вы помогли.

Гуля задумалась.

– С моей стороны вроде ничего незаконного нет. Только вы их предупредите, что слитки будут у меня, деньги считаю я и сразу перевожу на карту, а золото отдаю им. Так пойдет?

– Конечно! Не сомневайся, Гуля, царской монетой, если все срастется, я тебя одарю. К тому же ты мне еще в одном деле потребуешься. Я потом объясню. Только говорить бы надо не в банке. По-моему, со мной тут уж начинают здороваться.

Гуля засмеялась:

– Не смущайтесь. У нас порядок такой.

– Гуля, давайте на ты перейдем, неловко как-то с такой красивой девушкой официально разговаривать.

Гуля стала над столиком и наклонилась к окошечку.

– Я согласна. Но только за пределами банка. И купите себе мобильный телефон, вот мой номер, звоните, буду рада. А наши собирают деньги, монеты очень им понравились.

Вернулся домой, кинул брату теплые сапоги и костюм утепленный, охотничий. Сашко глянул с испугом:

– Брат, в долги влазишь, а если пусто? Чем отдавать.

– На том свете угольками. Одевай и не думай. Вечером рыть пойдем.

– Я топор, который к лому приварен, выточил, им ловко долбить. Свой топор подладил, земля есть земля.

Пашко вытянулся на кровати:

– Спуск сегодня – кровь из носу – надо сделать. А уж потом в глубину.

– Брат, а если нам потом талую землю буром? Связисты ямы под столбы сверлят.

Пашко оживился:

– Молодец. Найдешь надежного, под вечер заберем и утром вернем. Может, и не одну ночь придется покрутить.

С буром пришлось повозиться, рукоятка то и дело задевала стену, Сашко уже сбил всю руку, крутить начал Пашко, осторожно обходя стену и со всей силы углубляя снаряд. Через десяток минут работы вынимали бур и стряхивали землю. Потом сменили занятие. Сашко сбивал край

ямы, начиная формировать канаву в сторону от стены, чтобы можно было лечь и внизу работать руками. Глина подавался плохо. Пашко сменил брата с топором, приваренным к толстому лому. Долбили и менялись, менялись и долбили. Вымотались так, что Пашко принял лом и не удержал:

– Все, брат, сил нет.

Яму забросали тряпьем и фуфайками, укрыли досками, уложили комьями снега, сверху присыпали снежной пылью. Дома обмылись, поужинали. Пашко налил по полстакана водки.

– Это с устатку. Ты завтра спи, я пойду на смену.

Пашко расправил старенький, еще дедушкин тулупчик на русской печи и лег на спину. В пояснице стояла неприятная ломота.

– Сашко, у тебя спина не болит?

– Болит.

– А что молчишь?

– А что мне, петь, что ли?

Пашко спрыгнул на пол и затолкнул братана на печь. Он слабее, только не скажет. И про клад молчит. Неужели не интересно поговорить об этом?

– Сашко, как будем клад делить?

Тот долго молчал, потом ответил:

– А что его делить? Клад твой, мне за работу заплатишь на курево, и ладно.

Пашко вскочил с кровати и запрыгнул на лавку у печи:

– Сашко, ты почему такой? Мы же братья, живем вместе, робим вместе, значит, и клад общий! – Пашко так хотел, чтобы брат прямо сказал, что делим поровну, снял бы с него эти соблазны, освободил от мысленного греха.

Сашко ответил примирительно:

– Спи. Его еще отрыть надо, а потом куда с ним? Там же не русские сегодняшние деньги? А куда сунешься, если там, к примеру, брюлики или ржа, как жулики золото зовут?

Пашко залез под теплое материно еще одеяло, пахнувшее детством, свернулся калачиком. Бедный Сашко, неужели он заметил, что есть у меня мыслишка закурковать найденное? Вдвоем достанем – не спрячешь. И уже засыпая, подумал: «В последний вечер отправлю Сашко в котельную, а до клада сам доберусь. А потом скажу, что ничего там не было». С тем и уснул.

С телефона из котельной позвонил стоматологу. Тот возмутился:

– Мы уже два дня ждем вашего звонка. Короче говоря, деньги все у меня, я аккуратно обменял на крупные, по вашей цене на сто граммов. Понятно, да? Только не надо шляться по банкам, это очень рискованно. Приходите ко мне в клинику, производим обмен, и в разные стороны.

Пашко ответил:

– Я своих решений не меняю.

– Но это же глупо, рисоваться с такой суммой. Уверяю вас, – настаивал стоматолог.

– Завтра в половине второго в банке. Других вариантов нет.

– Понял, – вяло ответил зубник и положил трубку. Пашко позвонил с мобильника Гуле.

– Гуля, здравствуй, это Пашко. Извини, что поздно.

– Ничего, все нормально.

Пашко рассказал о предложении стоматолога и о своем решении. Гуля его похвалила: ему вполне могли подсунуть фальшивые пятерки, их мошенники производят в больших количествах, потому и в банках так внимательны, особенно к крупным купюрам. Так что Пашко поступил правильно.

Утром Пашко нашел Гошу Семиколенного и спросил, может ли он сегодня съездить с ним в район.

– Какой базар, шлеп твою в бродни мать! Пашко! Ты мне установи твердую ставку, я тебя даже ночью буду охранять.

В банк вошли вместе, трое незнакомых мужчин встали, будто их ждали. Пашко кивнул знакомому стоматологу:

– Я позову вас в кабину. Одного.

– Но ребята тоже хотели бы посмотреть, – кивнул тот в сторону товарищей.

– Знаешь, что? Видишь вот эту казашку? Я очень хотел бы ее трахнуть, но не судьба. Потому пусть сидят и ждут, иначе я заворачиваю оглобли.

Стоматолог кивнул ему и пожал плечами в сторону товарищей. Гуля пригласила в кабину:

– Здравствуй, Пашко. Клиенты на месте? Приглашай. Я сделала для тебя другую карточку, валютную, ты же ничего не понимаешь. Евро сильно растет, есть смысл эти деньги положить на валютную карту. Зови.

Стоматолог вошел, Пашко развернул бумажку и передал Гуле четыре пластинки по двадцать пять граммов. Она провела экспресс-экспертизу и кивнула стоматологу:

– Металл полностью соответствует указанным на государственном клейме реквизитам. Пожалуйста, деньги.

Пересчитала, кивнула, подала завернутые пластинки. Стоматолог еще раз их осмотрел, даже на зуб попробовал и вышел. Гуля быстро просчитала и показала бумажку с цифрами евро.

– Переводим на карту?

Пашко кивнул. Вышли в зал, он вставил карту в банкомат, ввел код и увидел ту же цифру. Гуля улыбнулась.

– Ты говорил, что нужна моя помощь. В чем?

– Это длинный разговор. Если можно, я тебя дождусь.

Гуля кивнула и ушла. Пашко спросил Гошу, есть ли у него знакомые в ГАИ.

– Море! – захохотал Гоша. – Я к ним каждую неделю попадаю. То с похмелья, то превысил – найдут, за что. Выкручиваюсь.

– Гоша, а как бы права сделать? Когда мне учиться и где? В район не наездишься.

– Да одной левой! Поехали хоть сейчас. Только, друг, бабки нужны, ну, это я узнаю мигом.

Подъехали к милиции, Гоша ушел и вернулся только через полчаса. Пашко уж нервничать начал: в пять часов Гуля выходит с работы. Гоша бросил на сидушку бумажку:

– Там все написано, какие документы надо и сколько рублей. Завтра принесешь – послезавтра получишь.

– Да мне вообще-то не к спеху, – равнодушно зевнул Пашко.

– Ты зевалом-то не торгуй, а куй железный, пока горячий. Полиция – место бойкое, сегодня ты камеру охраняешь, завтра тебя в камере охраняют. Переворот ментов в природе. Ты понял?

Гулю встретил прямо в дверях, по ступенькам спустились вместе, отошли в аллею.

– Пашко, ты богатый человек, а почему одеваешься, как деревенский?

Он засмеялся:

– Так я и есть деревенский.

– Ладно, больше не буду лезть не в свое дело.

– Я сам все расскажу. – Пашко знал, что это не очень сложно, даже прикинул, как это можно сделать прямо сейчас. Взял Гулю за плечи и крепко поцеловал в губы. Она вздрогнула, охватила его за шею, сама нашла его губы и притихла, ждала. Он опять целовал ее губы, щеки, нос. Гуля прижалась к его груди и слышала, как колотится его сердце. Спросила с улыбкой:

– Это и есть та помощь, которая требуется от меня?

– Прости, Гуля, я не особо опытный ухажер, не сравнить с твоими воспитанными и образованными, но ты мне сразу очень понравилась, такая красивая, как из сказки.

– «Тысяча и одна ночь»?

Пашко не понял. Гуля кивнула:

– Ладно. Дальше что? Ты поведешь меня в номера? При твоих деньгах можно всю гостиницу откупить на всю ночь.

Пашка понял, что сотворил глупость, дурак, со свиным рылом... Такая красавица! Страшно сконфузившись, он дернулся было уйти. Гуля остановила:

– Пашко, прости, я не умно пошутила. Прости меня, ты мне тоже нравишься. Но... есть вопросы. Нет, сначала о деле, в котором я могу тебе помочь.

Он рассказал ей все про письмо, про вскрытие первой закладки, про работу на второй, но остается еще одна, на виду, просто так не вскрыть. И до лета ждать терпения не хватает. Надо что-то такое придумать, чтобы Петька-Партком разрешил рыть экскаватором с задней стороны здания. А в деревне откуда может возникнуть такая нужда?

– А если экскаватор выроет клад? – спросила Гуля.

– Нет, закладка сделана в глубине, под фундаментом.

Гуля помолчала, что-то обдумывая. Потом сказала, что завтра позвонит и

расскажет, что можно сделать. Подала руку для прощания. Пашко взял прохладную ручку и стиснул ее в своей горячей и большой ладони.

– Скажи, Гуля, ты монетки себе на свадьбу покупала?

– Тебя это сильно интересует?

– Нет. Я не знаю. Если себе, то я больше к тебе не приду.

– Пашко, ты приходишь не ко мне, а в банк. Монеты я покупаю для своих сестер, родных и двоюродных, ты же знаешь, как роднятся казахи. Я не собираюсь замуж, и жениха у меня нет. Ты хороший парень, но ты богач, а я скромный сотрудник банка. Я призналась, что ты мне нравишься, а ты подумал, что меня интересуют твои деньги. Потому оставим пока этот разговор. А поцелуй... Я обязана его вернуть.

Она ухватилась за воротник пальто и подтянулась к самым губам, едва дотронувшись до них. Он хотел подхватить ее, но Гуля выскользнула.

– Я позвоню тебе завтра. До свидания! – кричала она уже на бегу.

Ошарашенный Пашко стоял на тротуаре, пока Гоша не начал сигналить.

– Полбака бензина спалил, пока ты с этой кралей базарил. Пашко, а тебе не приходилось с мусульманками дело иметь? Говорят, они совсем не так устроены. Не слыхал?

– Не знаю. Завтра у учителя спрошу. А сейчас заезжай на заправку, проси полный бак.

На третью ночь спуск оборудовали, Пашко лег на живот и велел Сашко держать его ноги, осторожно спустился, широким ножом стал рыть в сторону. Вырыл с полметра – ничего нет. Неужели обман? Его опять била нервная дрожь. Он велел Сашко опустить его и еще раз палкой промерить глубину ямы.

– Ну, что там?

– Пашко, надо еще рыть, видно, наспускали земли.

– Тяни меня за ноги!

Встал, отряхнулся, спросил брата:

– Есть еще силенки?

Сашко заплакал:

– Братко, если надо, я зубами буду грызть, только бы хоть чуть-чуть найти, чтобы из бедности и голода этого вылезти!

Пашко обнял брата.

– Давай отдохнем, потом опустишь меня, я в ведро буду землю складывать, а ты поднимать.

Черпали долго. Уже и палка указывала, что пройдена метровая отметка, Пашко сообразил, что за эти годы с ближайших огородов могло нанести песка, так что страховка верная. Потом опять Сашко держал брата за ноги, тот сполз и снова вгрызался в землю. Пашко копал и думал, что делать. До закладки он доберется обязательно, достать ее при брате – значит, делиться. Оставить в земле – а вдруг кто увидит и возьмет? Скрыть. А как брату в глаза смотреть? Уехать сразу, забрать Гулю и уехать. Куда меня несет, ведь еще одна закладка, и завтра Гуля подскажет, как ее вскрыть. Тут уж никуда не денешься, брат будет знать.

– Сашко! Ты замерз?

– Нашел, о чем спросить. Меня только и согревает, что не зря рыли. И ты уж там измучился совсем.

– Потерпи. Все воздастся.

– Нихрена ты заговорил.

– Велено было молитву читать. Ты хоть одну знаешь?

– «Господи, помилуй» знаю.

– Вот и тверди, да негромко, а то старухи сбегутся.

Пашко ровными рядами снимал грунт, уходя в глубину. Устал, пот заливал глаза, кровь билась в висках. Попробовал ножом чуть в сторону и уперся в кирпич. Откуда на такой глубине кирпич? Так это же закладка защищена! Нашел край кирпича, всунул нож, провернул, кирпич подался. Рядом другой, а сверху металлическая пластина. Раздвинув оба кирпича, Пашко нащупал кожаный мешок и потянул на себя. Под рукой что-то зашелестело с тонким звоном. Осторожно вынув мешочек, Пашко полез за вторым. Все обшарил – пусто. До дальней кирпичной стенки добрался – в тайнике больше ничего не было. Не верил, велел опустить еще ниже, по локоть руку запихал в нишу – пусто. Маленький мешочек легко уместился за пазухой.

– Брат, тяни, ниша пустая.

Сашко аккуратно выволок брата. Он плакал.

– Ты чего, братко? У нас еще есть запас. Не переживай.

– Да мне тебя жалко, вымотался с этим кладом, да еще в долги влез. Отдышись, я пока инструмент соберу.

«Что я творю, сволочь такая! Как же я все променял на деньги? Родство наше, детство голодное? И как теперь из этой грязи чистым выйти? Нет, как только все уляжется, признаюсь брату, и все поделим». Хотел поклясться, но что-то удержало. Ухмыльнулся: а ведь не отдашь! Черти тебя обуяли, они и утащат за собой. Сплюнул, а тут Сашко уже зовет, сгрузил на себя все железо. Пашко хотел отобрать хоть лом с топором – не отдал, ты, говорит, и так сильно устал.

В обед позвонила Гуля, Пашко долго соображал, на какую кнопку давить, наконец, нашел и услышал такой желанный и ласковый голос:

– Добрый день, Пашко. Я решила твою проблему. В департаменте охраны памятников истории и культуры, это в области, работает моя хорошая знакомая, кстати, тоже казашка, ее зовут Адия, если хочешь, могу познакомить.

– Не хочу, – односложно ответил Пашко.

Гуля продолжала, как будто не услышала ответа:

– Сегодня она позвонит владельцу этих магазинов, о которых ты говорил, и скажет, что магазины эти стоят на особом учете как памятники старой архитектуры. Предупредит, что она приедет провести обследование состояния объекта. В общем, она знает, что сказать. Приедет она на этой неделе, я дала твой телефон, она тебе сообщит. Конечно, она ничего не знает, просто это моя настоятельная просьба. Я думаю, что вы с нею встретитесь до ее разговора с владельцем, ты объяснишь, как именно надо копать.

– Не понял, а кто будет копать?

– Экскаватор, конечно. Думаю, тебе там лишний раз показываться нет смысла.

– Я все понял, Гуля. А ты с ней не приедешь?

– Ты о чем, Пашко? Рабочий день! До свиданья.

– Спасибо, Гуля, до свиданья.

Утром Сашко пошел на смену, открыл шкафчик с продуктами и снова закрыл. Пашко заметил:

– Там колбасы кусок, банка сгущенки, возьми.

– Я тебе оставлю.

Пашко вскочил:

– Сказано тебе, значит бери. Я яиц поджарю, а к вечеру супчик сварю. В ночь сам пойду.

Сашко устало сел на лавку:

– Знаешь, братко, как обидно, столько трудов, и все напрасно. Под теми магазинами и копать не надо, нагнул нас буржуй, а мы и уши развесили.

Пашко сел рядом. Опять защемило сердце. Обнял брата:

– Верь мне, брат, найдем клад, не может быть, чтобы такие люди писали глупые письма на свою родину.

Сашко насмелился:

– Брат, а ты хорошо там все проверил? Может, зря мы все обратно зарыли?

– Конечно, проверил, и вниз копал ножом, и вверх, во все стороны. Ничего там нет. Может, раньше кто вынул, могли подсмотреть. Иди, мне надо еще по одному делу дойти.

– Половинку колбасы я тебе оставил, – сказал, уходя, Сашко.

Пашко схватил эту половинку и в воротах сунул брату в карман.

– Так не по-братски, – грустно посмотрел на него Сашко.

Пашко как по сердцу резануло. Закрыл дверь на крючок, убрал все со стола, на чистый рукотерт высыпал содержимое кожаного мешочка. Горка ярких камешков, таких ярких, что в полутемной избе стало светлее. Пашко включил свет и ахнул: горка горела, он сдвигался влево и вправо, и острые яркие лучики появлялись все в новых местах. Конечно, это бриллианты. Куда с ними? Сначала хорошенько прибрать, не столько от брата, сколько от недобрых людей. Положил в тот же сапог в подполе, заткнул сухим голенищем другого сапога и бросил к самой стенке.

Вдруг вспомнился стоматолог, его злой взгляд при выходе из кабины. Пашко много слышал про убийства из-за денег, но как-то не подумал, что это может коснуться его. Лег на кровать и стал думать. Зубодер знает, что

золото у него есть, есть и карточка, на которую Гуля положила деньги. Выдавить код карточки и оставшееся золото ничего не стоит, Пашко понимал, что если ему будут вставлять паяльник, он отдаст все до последней мелочи в кармане. Если уж сознание потерял, когда кровь брали из пальца на анализ, то тут он долго сопротивляться не будет. Главное, чтобы Сашко дома не было.

Пошел к Мите Зырянову, зная, что с ним без бутылки разговора не составишь, вытащил из-за печки бутылку водки. Прятал так, от чужих глаз, Сашко к водке равнодушен. Митя возился во дворе, гостя встретил с интересом:

– Так, с Кургузкиным вы электроплиту варили, на которой кабанов можно жарить, а ко мне ты пришел, чтобы я тебе на огороде Байконур отчебучил? Литр водки, и стартовая площадка готова. У меня и материал припрятан.

Пашко насторожился: растрепал электрик, вот и верь после этого людям. Мите сказал:

– Ты все правильно рассчитал, теперь надо кабана завалить, а нечем. Не одолжишь двустволки?

Митя стал серьезней:

– Зачем тебе оружие, если ты сроду не охотник? Вот я без выстрела недели прожить не могу. Представь себе, без бабы могу, а без ружья нет. А, помню, в детстве ты постреливал, пока менты не отобрали. А сейчас зачем? Объясняй!

Пашко встал:

– Ладно, Дмитрий, извини, не знаю отчества, и на том спасибо, что поучил уму-разуму, – и пошел.

Митя крикнул вслед:

– Приходи с литрой, поговорим.

Пашко промолчал и направился к Гоше Семиколенному, вроде водилось у него ружьецо. Гоша спал на диване, а в телевизоре президент на весь дом рассказывал ему на пресс-конференции, как хорошо в стране российской жить. Гость понял, что в доме больше никого нет, выдернул розетку телевизора, президент на мгновение задумался, произнес неслыханный звук и исчез. Гоша вскочил.

– Что, опять едем?

Пашко засмеялся:

– Понравилось?

– Хорошо платишь, Пашко, потому и понравилось. Да, водитель, права забери, все путем.

– Еще есть шанс заработать. Мне ружье надо, причем сегодня и на время, к весне свое куплю.

– Споемся. А патроны?

– Надо и патроны, но только картечь.

Гоша аж присел:

– И на какого зверя?

– Не задавай вопросов. Или ты даешь мне ружье и пяток патронов с картечью, либо я нанимаю другого водителя.

Гоша вскочил:

– Обожди, не гони. Ружье сначала найти надо, потом обслужить, потом пристрелять хоть малым зарядом, да тебе картечи зарядить. Слушай, Пашко, а ты не надумал ли кого-то мочкануть?

Пашко засмеялся:

– Кого у нас в деревне можно мочкануть и за что? И так все ходят как убитые.

Гоша согласился и полез на полати искать ружье. Выволок двустволку, вполне приличную на вид, переломил, заглянул в стволы – надо чистить. Шомпол отдал Пашке, сам стал снаряжать патроны. Все у него получалось быстро, и ружье, и патроны были готовы разом.

– Пошли за огород, возьми вон фанерку, пальнем пару раз дробью да один картечью. Не жмись, я тебе семь штук зарядил.

Посмотрели пробитую фанеру: и дробь кучкой, и картечь в самую середку с обоих стволов. Гоша пару раз заставил Пашко разобрать и собрать ружье, потому что это не вилы, на плече не понесешь. Патроны сложил в карман, ружье в футляр и мешком обернул. Донес до дома, никто и внимания не обратил.

Загудел мобильник.

– Это Пашко?

– Да.

– Здравствуйте, я Адия, подруга Гули. Ничего не изменилось? Тогда так. Я сейчас звоню Петру Петровичу, владельцу магазина, и назначаю ему встречу на завтра. Приеду в село, сразу вам позвоню, будьте на месте.

Адия приехала в десять часов, позвонила, сказала, чтобы на всякий случай терся в компании любопытных. А чтобы сразу узнала, газетку в руках держал. Сама подъехала к офису торгаша, он даже встретить не вышел. Начала с порога:

– Петр Петрович, вы работаете в зданиях, обладающих большой исторической ценностью. Это постройки конца восемнадцатого века. Я уж не говорю о том, что право пользоваться ими вы не получили в нашем ведомстве, вы хоть какой-то договор аренды предъявите.

Петька, конечно, труханул. Какой договор аренды, когда сунул, кому надо, в комитете по имуществу, так и оформили все бумаги. Платит в год копейки. Но достал и предъявил. Адия глянула, даже в руки не взяла:

– В сортире на стенку можете их повесить. Сколько лет эксплуатируете объекты национального достояния?

Петька на то и бывший парторг, пошел в атаку:

– Какое достояние? Шесть лет. Отопление подвел, проводку заменил, крышу перекрыл. На всех.

– Судить вас придется. Старая кровля какая была?

– Черепица.

– Черепица? Да вы варвар! Мы по всей области ищем старую черепицу, чтобы восстановить музей книги, а вы все на свалку? Ну, варвары! Договора ваши передам в областной департамент по госимуществу, думаю, за шесть лет они вам насчитают на годовой объем товарооборота. Поехали, посмотрим, как выглядят полуразграбленные исторические здания. Да, по экскаватору вы все решили?

– Будет экскаватор. Только я так и не понял, для чего?

– Копать будем с задней стороны здания и смотреть фундамент. Вы представляете, что третий век метровые стены давят на фундамент. Что в нем, в каком он виде – все это я должна проверить. Возможно, эксплуатацию зданий, как мест скопления большого количество людей, придется прекратить.

– Какое скопление? Денег нет у людей, какое скопление? Им хоть живого осетра привези, все равно купят только минтая.

Посмотрели два магазина, подъехали к хозяйственному. Экскаватор уже стоял у крыльца. Пашко вышел из магазина как раз к подъезду комиссии. Адия махнула ему рукой:

– Молодой человек, вы не очень заняты?

– Свободен.

– Прошу помочь мне, я оплачу. Так, Петр Петрович, трактор с той стороны пусть заходит. Как вас зовут?

– Пашко.

– Определите середину стены. Следите, чтобы копал не по камню, не царапал фундамент, а небольшой слой мы потом лопатой снимем. Верно?

– Понятно. А глубина?

Адия обратилась к трактористу:

– На какую глубину вы можете зарыться?

– А сколько надо? – тракторист улыбнулся.

– Метр двадцать.

– Влеготку, – мужик хохотнул.

– Смотрите, осторожно.

– Да, а кто мне платить будет? – поинтересовался тракторист.

– Петр Петрович, конечно.

– Ну, с него соскользнешь...

Тракторист расставил лапы экскаватора, поерзал трактором по снегу, встал напротив Пашкиной отметки и начал рыть. Мерзлый грунт поддавался плохо, но с каждым движением ковш вынимал приличное количество земли. Адия ушла в машину греться, Пашко не мог покинуть пост, на котором оказался вроде как случайно. Дело пошло совсем хорошо, когда прошли мерзлый грунт, Пашко стоял над ямой и следил, чтобы ковш не касался фундамента. Сунул палку в яму – нет метра, кивнул трактористу: еще. С запасом прошли метровую глубину, подошла Адия, посмотрела фундамент.

– Как думаете, Пашко, чем крепили кирпичи древние строители, ведь вездесущего цемента еще не знали?

Пашко смутился:

– Что-то слышал, но не знаю.

– Известью. На Руси при строительстве церквей в раствор добавляли яйца и молоко. Но довольно об этом. Как вам ямка?

– Спасибо. Вполне...

– Тогда я поехала. Еще забегу к Гуле. Привет ей передавать? Что вы так смущаетесь? Деревня сохраняет скромность и стеснительность. Господи, а какими мы были в своих аулах? Так что с Гулей? Имейте в виду, вы ей нравитесь. А она совершенно свободная девушка, в отличие от меня. Я к свадьбе готовлюсь.

– Поздравляю.

– Будьте счастливы. До свидания.

– А Петр Петрович?

– Я пришлю ему бумагу. И сдам с потрохами, магазинами он пользуется незаконно.

Подошел тракторист, злой и нервный.

– Вот суки! Она в партком отправила за деньгами, а Петька к ней. А ее уж дырка свись! Зарою нахрен эту яму!

Пашко спохватился.

– Обожди, она оставила деньги, возьми, а зарывать только завтра, она какие-то анализы будет делать. Ну, тебе скажут.

От души отлегло, когда ушел трактор. Смеркалось. Хоть бы скорей! Не стал ждать темноты, спрыгнул в яму, быстро лопатой стал отбрасывать землю, и уже через десяток ударов услышал металлический стук. Упал на колени, руками выгребал землю, пока не выколупал свинцовую шкатулку. Открывать не стал, выбросил наверх лопату, выкарабкался сам, огляделся, тропинкой школьников пошел домой. Сашко уже ушел в котельную, на плите стояла вареная картошка, на столе бутылка с подсолнечным маслом. Пашко осмотрел шкатулку, нашел маленький замочек, сковырнул его ножом и открыл крышку. Вывалил на стол всякие дамские побрякушки: кольца, браслеты, цепочки, перстни, часики и какие-то еще непонятные безделушки. Собрал все в шкатулку, опять в подпол, в завалине у печки зарыл в землю. Все. Клад взят. Надо принимать решение. Учитель – ладно, дать ему денег на прожитье. А что с Сашко? Сунуть чуток, сказать, что больше ничего нет? Понял, что глупость. Ладно, об этом потом. В сенях в шкафу отыскал сверток с колбасой, отрезал кусок хлеба и пошел в котельную.

Сашко испуганно вскочил:

– Что, брат, пусто?

– Пусто опять, – буркнул Пашко и отвернулся, закашлялся.

– Мне все равно, – с улыбкой сказал Сашко, – не жили богато, и начинать не надо. Так спокойней. Богатство уж стольких людей зверьем сделало. А ну, если и мы так? Не надо, вот есть картошка, маслице, весной корова отелится. Слушай, брат, и дай совет. Аниска настаивает на женитьбе, и домой вести некуда, и к ним идти нет охоты.

– Ты говорил, что она беременна и точно от тебя.

Сашко расплылся в улыбке:

– В положении, точно, она вчера ко мне приходила. Тянуть-то больше некуда, а то на свадьбе родит. Позор.

– Успокойся. Никакого позора нет.

– Ты, брат, за клад не переживай. Я и сразу не шибко надеялся, а теперь понимаю, что только своими руками. Заведем с Аниской хозяйство и будем поживать. Еще в гости на свежую сметанку ходить будешь.

Со смены Пашко пришел никакой, Сашко заметил, что брат не в себе:

– Ты не заболел? Ну-ка, дай лоб. Брат, горячо. Обожди, я сбегаю в медпункт.

Принес пакет с лекарствами и привел Аниску:

– Боюсь тебя одного оставлять. Аниска, поставь градусник. В сенках клюква мороженая, принеси, сок выдави и дай с горячим чаем. Да покорми хоть чем-нибудь.

Аниса выпоила все таблетки и капли, какие дала фельдшер, поставила горчичники на грудь и на спину, сварила кашу на молоке, кинула в тарелку ломоть масла:

– Поешь, Пашко, сытому болеть легче. Вот. А теперь я тебя укутаю, и спи, а я рядом буду.

Пашко забылся, голова кружилась, и вместе с нею кружились магазины, лом и лопата, кучи земли, потом прямо перед ним встало золотое солнце, оно палило глаза и сжигало лицо. Парень хватался руками за лицо, девчонка едва его удержала.

– Не бойся, это бред. Что я говорил?

– Да ничего. Мычал что-то.

Он опять забылся, и уже монеты стали кататься по столу, прыгать на подоконник, потом на пол, проваливались в щели и падали в подпол. Он пытался их поймать, но все скользило сквозь пальцы.

Увидел мать, она как всегда сидела вот на этой кровати и что-то вязала, носки да рукавички, а потом подала Пашко толстый свитер из овечьей шерсти. «Поди, и не примешь теперь, сказывают, ты сделался богач. И с братом не делишься. А неужели не дашь брату его долю?» Пашко закричал, что ничьей доли тут нет, все мое, я все нашел, я все вырыл, и ни с кем не буду делиться!»

Аниска пошевелила его, он очнулся, попросил пить, дала ему морс теплый из клюквы. Попил. Она обтерла лицо полотенцем, сняла горчичники.

– Долго я спал?

– Да минут десять.

– А чего говорил?

– Да всякую чушь. Жар, вот и лезет в голову всячина. Про золото кричал, что никому не отдашь. Успокойся, спи. Жар-то сняло немного.

Пашко боялся уснуть, чтобы еще что-нибудь не выболтать. Почему он матери сказал, что ни с кем делиться не будет? Значит, уже сложилось это в башке, жалко отдавать. Представил, как уедет в большой город, купит дом, женится на Гуле, машину возьмет самую шикарную. Да, он имеет право, а дать кому или не дать – это его дело. Когда денег много, хочется, чтобы их было больше. Он опять провалился в тяжелый сон, опять увидел того черта, что приходил в прошлый раз и ругался матом. «Слышь, сумел хапнуть богатство – никому ни гроша! Ты представь, что творилось бы на свете, начни богатые делиться с бедными? Это же смех! Такого нигде в мире не бывало, уж я-то знаю! Ты богач, тебе все поклоняются, двери открывают, ручку целуют. А раздашь – и кто ты будешь? Как был Пашко, так и останешься. Вам бы для компании еще пару чудаков, и было бы, как у нас заведено: Сашко, Пашко и Колупай с братом. Колупай – это как бы легонький умишком, ну и брат его соответственно. Отдашь богатство – пришлю тебе Колупая с братом, и будет полный комплект. Ни копейки никому, слышишь? А то я могу в обиду впасть!»

Проснулся под утро, Аниска спала, раскинувшись на диване. В слабом свете, падающем из избы прямо на ее фигуру, Пашко вдруг заметил, как похорошела Аниска, видно, беременность ей на пользу. А брат? Будет чужого растить, как своего? Или дите в самом деле его? Да пусть как хотят. Дам брату немного, может, дом куплю и хозяйство. Нет, в деревне нельзя, заметно: из грязи в князи. А куда их, в район? Все равно узнают. В город Сашко не поедет ни под каким предлогом.

Задремал, встала Аниска, опять лекарства, градусник. Улыбается:

– Нет температуры, организм у тебя здоровый, скоро переборол. Ты лежи, я домой сбегаю, управлюсь, потом уж с вашим хозяйством.

Голова шумела и побаливала, но не это беспокоило Пашко, из ума не выходили сны и видения, больше всего черт. Откуда он взялся? Из материных вечерних страшных сказок, которые она наговаривала, чтобы парнишка никуда не бегал вечерами, а привыкал к дому? Но это было так давно. Из читанных позже жутких книжек Гоголя, где черти жили и творили свои дела на земле, между людей? Те черти были пакостливые, но почти безвредные. Один даже паренька свозил к царице за тапочками для невесты. Правда, не по доброй воле, но свозил же. А тут – угрозы, и все похоже, как в молитве сказано.

Гуля же снилась, как он забыл! Жемчуга перекатывает с руки на руку, любуется, просит подарить, а те штучки из оловянной шкатулки, которые и сам Пашко путем не рассматривал, не интересны они ему, он соображает, как это на деньги перевести – так эти штучки она примеряет, и все ей баско, все к лицу. Молчит, но глазами просит подарить ей эти безделушки. Пашко тряхнул головой: вот сон, пустяк, а как теперь на Гулю смотреть? Может, у нее в головке именно такие мысли и бродят? Может, не Пашко ее волнует, а богатство, о размерах которого она еще не знает?

Пашко крепко запер калитку, дверь в сенки хоть и худая, но все равно на жердочку припер, входную в избу защелкнул на крючок. Крючок самокованый, в косяк вбит на четверть, петля тоже кована, два острых жала через дверную плаху–пятидесятку пропущены, загнуты и в избу возвращены. Было время, всего боялись люди. А Пашко сейчас стал бояться. Специально в район съездил, купил пачку патронов дробовых и пачку картечью заряженных. Продавец потребовал охотничий билет, Пашко сказал, что дома на рояле оставил и положил на стол солидную бумажку, дороже стоимости всех патронов. Выходил под вечер на огород, стрелял просто так, чтобы к ружью привыкнуть.

В этот вечер опять размышлял над богатством. Знающие люди говорят, что все можно продать, только надо в приличный город ехать и находить интересующихся. Про всю хрень в свинцовой коробке узнал, что можно в разных местах по разным паспортам сдать в комиссионные магазины, а бриллианты только ювелирам или иностранцам, но до них Пашко не дотянуться.

Полежал на диванчике, почитал какую-то книжку, Гуля подсунула. Хорошая девчонка, только другой народ, сколько она добра для него сделала, а все время от времени прочикивается грязная мыслишка, что не Пашко, неграмотный деревенский парень примитивной культуры, да и не красавец, если честно сказать, не он, а то богатство, которое волею случая оказалось в его руках, прельщают ее.

Пашко выпил кружку горячего чая с плиты и лег под одеяло. Плохо протопил Сашко, печка уже остывала, а ночь вся впереди. Ружье заряженно двумя патронами – один с картечью, другой с крупной дробью. По патрону из магазинных пачек положил на полку дивана. Так делал каждый вечер, когда ночевал дома, подменяя в ночную смену Сашко. Про ружье брат знал, потому что Пашко уносил его в котельную на смену, но даже спрашивать не стал. Оба чувствовали, что чужими становятся с каждым днем. Ладно, все утрясется, завтра с Сашко про богатство поговорим, может, махнем в город, ему квартирку с Аниской и себе тоже приличную, чтобы не стыдно было Гулю и Адию в гости пригласить.

С такими мыслями и уснул, не слышал, как подошла прямо к воротцам машина, как сломалась задвижка на калитке, как хрустнула жердочка на сеночных дверях. И только когда рванули кухонную дверь, очнулся и мигом сообразил: это они! Подергав дверь и поняв, что открыть ее не удастся, гость подал голос:

– Пашко, это дантист, стоматолог. Отдай мне золото, сколько есть, и я уеду. Не откроешь – будет хуже. Браток твой уже в котельной лежит, я его зарезал, или не знает ничего про золото, или полный дурачок. Но ты все отдашь, потому что я пойду окно вышибать, если дверь не смогу сдернуть.

Пашка схватил ружье, взвел оба курка, подошел к двери:

– Не ори на всю деревню, повтори свои условия через дверь, я ухо подставлю.

Услышал четкий вкрадчивый шепот, поднял ружье и дважды выстрелил, на уроне шепота и живота. Стоматолог молча завалился, Пашко перезарядил стволы крупной дробью, прислушался, осторожно снял крючок и резко пихнул дверь. Она открылась только наполовину, тело мешало. Пашко выполз в ограду, присмотрелся – никого. Из калитки резко осветил салон машины – никого. «Вот дурак, – подумал, – на такое дело один пошел. Или жадный чересчур». И вдруг – Сашко! «Братец твой лежит!» Набрал «Скорую», кратко сказал, что сам бежит к раненому брату. Сашко лежал на топчане на правом боку, кровь стекала на грязный пол.

– Сашко, брат, очнись, Сашко!

Он распахнул куртку, разорвал рубаху и припал к груди. Сердце билось. Выскочил на территорию, помахал фонариком, машина со стороны райцентра свернула к котельной. Врач и медсестра осторожно сняли с парня одежду, поставили две капельницы, перевязали три колотых раны.

– Доктор, это мой брат. Он должен жить. Я вас умоляю, я заплачу любые деньги, чтобы он жил.

– Не мешай доктору, – шепнула медсестра. – Будет жить твой брат.

Уже из машины врач сказала:

– Надо полицию вызвать. Звони, а то наши сообщат.

Проводив машину, Пашко вернулся домой, стоматолог лежал на спине, неловко подогнув ноги. Он вышел во двор и набрал полицию.

– Я застрелил человека. Село Сладчанка, улица Зеленая, 21, – и нажал кнопку. Спустился в подпол, собрал в один мешочек все ценности и закинул на пологую крышу домика, покрытую рыхлым снегом. Мешочек сразу провалился. Прошел в дом, разжег приготовленные Сашкой дрова, стало потеплее. Через полчаса с диким воем подлетела машина, на всей улице в домах загорелся свет. Двое полицейских вошли в избу, третий остался с доктором в сенях, потом и они вошли.

– Где ружье?

Пашко указал на диван.

– Почему долго не сообщал?

– Он брата моего зарезал в котельной, потому я сразу туда. Потом уж врач сказал, чтобы позвонил.

– Виктор Иванович, это же наш стоматолог! И что он тут делал? Что он к тебе ломился?

– Спросите у него. Не знаю. Грозил окно выломить. Ни пить, ни есть не просил.

– Ты, парень, шутки не шути, хотя ясно, что с твоей стороны самооборона, но причина, причина разбойного нападения врача-стоматолога на бедный деревенский домик? – Тот, кого назвали Виктором Ивановичем, внимательно посмотрел на Пашку: – Может, у тебя клад в подполье?

Когда написали все бумаги и сделали фотографии, Виктор Иванович сказал:

– Поедешь с нами. Я следователь, тебя не арестовываю, понимаю, что надо еще с братом встретиться. Мы им займемся, когда немного очухается. А ты будешь под подпиской.

Пашко спросил:

– Можно, я во двор выйду?

– Иди.

Пашко свернул за плетеный сарайчик и позвонил Гуле. Та ответила сонным голосом.

– Гуля, случилось страшное, брат ранен и в больнице, ко мне приехал стоматолог и грозил на ремни порезать, чтоб забрать золото. И я его убил.

– Какое золото, Пашко, ты же ему все продал. Ладно, что делать мне?

– Будь у милиции, меня сейчас привезут. Прошу.

– Буду.

Она действительно пришла, и Виктор Иванович, предупредив вопрос задержанного, кивнул: «Иди!» Гуля обняла парня и стала говорить ему на ухо, что «все продал» – значит, у тебя ничего нет. Карточки забрала и дважды попросила повторить код рублевой – деньги потребуются, и немалые. Утром пообещала съездить к Сашко. Чмокнула в щеку и побежала домой.

В камере было человек пять, все уже спали, грохот дверей разбудил, потому ворочались и матерились. Утром Пашко вызвал Виктор Иванович:

– Слушай внимательно. Ружье не твое, зачем ты его взял у знакомого? Ждал кого-то? Почему? Откуда у тебя при зарплате коту под хвост две банковских карточки, к тому же одна валютная? У стоматолога в сейфе нетронутая плитка золота еще царской отливки. Отсюда вывод: ты нашел клад. Хорошо, нашел, но ты должен был, как законопослушный гражданин, отдать его государству, а оно определило бы, сколько вернуть тебе в качестве вознаграждения. Что скажешь?

Пашко знал, что надо будет отвечать на эти вопросы и сразу поднял голову:

– Вот что скажу: этому государству у меня и мысли не было отдать найденное. Что я от него видел, от государства вашего? Мать угробилась на работе, мы с братаном вместо школы на ферму, а когда коров новые князья и бояре на колбасу перевели, пошли по рукам: сегодня похороны, завтра туалет рыть, к зиме вот на котельную взяли, спасибо им. А я нашел ничье и отдать? Да я лучше еще дальше закинул бы, знай такой расклад. Теперь о деле. Коли вы знаете про карточки, я отдам вам валютную, там приличная сумма в евро. А вы отпустите меня, ведь я ни в чем не виноват. Зубодер

думал, что у меня ящики этих слитков, раз пошел на такое, брата порезал, сволочь, и меня обещал кончить. И кончил бы, потому что дать ему нечего, но он никогда в это не поверил.

– В твоем доме провели обыск, действительно, ничего нет. А ты не боишься, что карточку я возьму, а тебя не отпущу?

– У меня что, выбор есть?

– Верно, – улыбнулся Виктор Иванович. – Собирайся, сбегай к брату, твой телефон у меня есть. Код карты напиши и принеси. Пока ты все дела свои устроишь, я подготовлю постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Встретимся около районной администрации, со стороны садика, ты мне карту и код, я тебе постановление.

– Виктор Иванович, со мной будет девушка, Гуля из банка, она своя в доску, но настаивает, чтобы был свидетель.

– Ох, пугаешь ты меня, дорогой, но я согласен, потому что ты действительно хороший парень. Кстати, она и код подтвердит. И наличку валюты обеспечит. До встречи.

Аниске утром отец сказал, что Сашко, порезанного ночью, в больницу увезли, сказали, будет–нет живой, крови много вытекло. Она наскоро оделась, выскочила на большак, кто-то посадил, довез до района, бегом прибежала в больницу, а тут не пускают.

– Да как же, девоньки, жена я ему, отчего нельзя-то? Разве ему хуже будет, если меня увидит?

Медсестры поняли, что она не отступит, одели в белый халат и в шапочку, провели в палату. Сашко лежал с закрытыми глазами. Она встала на колени перед его лицом и прислушивается, дышит ли. Сестра тронула за плечо:

– Он в сознании, видимо, уснул.

– Я тихо, девоньки.

Лицо потрогать боялась, только шептала:

– Милый ты мой родной, Сашко, пусть ты меня бросишь, может, я того и стою, только ты не умирай, живи, и я как-нибудь рядом, хоть изредка погляжу. Знаю, что не простишь ты мне всех моих грехов и обмана не простишь. А все одно признаюсь, сниму грех с души, человек, когда он между небом и землей, – он все равно что святой, ему можно всякие тайности доверять. Вот и покаюсь. Прогонишь – уйду, зато душу облегчу. Всю жизнь врать не будешь.

Сашко облизал пересохшие губы и открыл глаза:

– Аниска, это ты бормочешь, а я понять не могу, то ли еще сплю и сон вижу, то ли обморок со мной. А это ты. Про чьи грехи ты говоришь?

– Про свои, Сашко, родно мое! Грешна я перед тобой. И ребеночек, может, тоже не твой. Сучка я подзаборная, любимый мой, гони меня со двора. Видно, проклята я людями какими или род наш такой непутевый. Прости меня, и я уйду.

– Куда же ты пойдешь? Тебя никто не гонит, если врач придет, скажу, что жена.

Аниска тронула его за плечо:

– Сашко, а ты все слышал, что я говорила? Ты все понял? Ты не будешь меня убивать потом каждый день, как тятька мой увечил мать, что не девицей пришла?

Сашко грустно улыбнулся:

– Дура ты, Аниска, ты мне люба, и я тебе тоже, и кто нам что может переменить? Вот встану, оклемаюсь малость, и перейдешь к нам жить. Брат против не будет, он добрый.

– Кто это у нас загостился? – грозный голос хирурга. – Ты кто ему, сестра, подружка, а может быть – жена?

Аниска кивнула.

– Я давно заметил, что любовь способствует выздоровлению более, чем лекарства. Но, извини, у нас свои дела, пойди погуляй. Есть ему ничего не бери, мы сегодня малость кишочки ему укоротили, так что будет питаться святым духом и вот из этих пузырей.

Доктор осмотрел заклеенные швы, позвал санитарок сделать перевязку:

– Не тошнит? Пить хочется? Пока нельзя, не балуйся, раны у тебя серьезные, но не смертельные. Через недельку верну тебя к твоей красавице.

– К кому? – не понял Сашко.

– Вот чудак! К жене.

Пашко к брату пустили сразу после обеда, сказали, что не более пяти минут. Сашко лежал на спине, в обеих руках капельницы, лицо бледное.

– Брат, ты его убил? Скажи, тебя не посадят? Мне казашка сказала, что не посадят. Правда?

Пашко кивнул головой, хотел что-то сказать, но ткнулся лицом в вонючий матрас, прикрытый испачканной кровью простынкой. Слезы стыда и вины душили его. Как он мог столько времени скрывать от брата свои находки? Что он возомнил о себе? Как думал жить с таким камнем на душе? И совсем хотел скрыться. Не криви душой, Пашко, совсем хотел скрыться, оставив брата наедине с бедностью. Было! И как теперь сказать?

– Братко, ты не реви, я живой, все срастется, мы с тобой еще и женимся, ко мне Аниска приходила, зареванная...

– Сашко, брат, ты прости меня, ведь я все закладки раскопал и везде нашел, что искали, а тебе не сказал. Прости меня, хотел скрыть, жадность обуяла, будь я проклят на том и на этом свете!

– Пашко, ты зачем так? Нельзя себя проклинать. Я ведь без претензий. Нашел, и слава богу. Да я и понимал, что нашел, только не говорил ничего. Мне и сейчас ничего не надо.

Пашко рыдал и не мог выдавить слова. Был смертный стыд перед братом, но уже ослабла внутренняя пружина, давившая грудь в последнее время, преодолел себя и от того был счастлив.

– Брат, мы с тобой заживем, клянусь матерью своей, нет у меня других святых, клянусь, что все до копейки поделим.

– Ты про учителя не забудь.

– Не забуду. Домик ему приличный купим и на книжку положим, чтоб до смерти хватило.

– Ко мне Аниска приходила, я начал рассказывать, да ты смешал. Плачет, кается, что обманула меня в первую ночь. Ревет, вот тут же уткнулась, медичка хотела ее увести, я попросил. Аниска и говорит: «Милый мой Сашко, я изо правды беременна, может, и не от тебя, только ты меня не бросай, я буду тебе верной женой и хозяйкой и любить буду всегда».

– А ты что ответил?

– Что я отвечу, брат? Хорошая она, ласковая, заботливая. Женюсь на ней, если ты не против.

– Ну вот, придумал, почему я буду против твоего счастья? Рад за тебя буду, Аниска, правда, девка славная и любит тебя.

Медсестра подошла проверить капельницы:

– Молодой человек, вы злоупотребляете.

Пашко встал. Ему было легко и свободно. Он впервые за несколько недель открыто смотрел на брата.

– Лечись, я с врачом поговорю, может, надо чего.

– До встречи, Пашко, ты бы Аниску вместо меня определил в котельную, чего она без дела будет?

– Нет, я ее к тебе отправлю, вместе вам веселей будет.

Спросил сестру, и она проводила его до кабинета врача. Пашко поздравствовался:

– Доктор, я брат этого вчерашнего резаного. Вы мне скажите, может, надо что из лекарств? Чтоб быстрей на ноги поднять.

– За ваши деньги – любой каприз. Я напишу рецепт, если есть возможность купить. Но предупреждаю: это недешево.

Пашко вышел, подозвал медсестру:

– Девушка, вот деньги, – он сунул в нагрудный карман халата. – Попросите нянечек, пусть у брата матрас и все остальное заменят. Если нет свежего – купите. И вот эти лекарства купите. Я отблагодарю. Пойдет?

– Пойдет, – улыбнулась девушка.

Митя Зырянов выследил, что Пашко прошел к Гоше, и тут же нарисовался, поздоровался, сел в передний угол:

– Все каюсь, Пашко, что отказал тебе в ружье. Для лучшего друга пожалел! А Гошкино могло дать осечку, старье есть старье. Теперь бы и девятый день справили, зарезал бы зубодер, как пить дать. Вот только Сашку-то он за что? Меня тоже вызывали, допрашивал следователь, по почкам бил, пистолет к виску приставлял: зачем парень просил ружье? Но я ничего не выдал.

– Врешь ты все, Митя. Никто тебя не вызывал. И что ты мог выдать? Ну, я попросил, ты не дал, я ушел.

– Откуда им знать? А может, мое стреляло? А мне это ни к чему. Свадьба у меня намечается, перехожу к Мякеше. Вот бражку на самогон перегоним и загудим медовый месяц.

Пашко стало интересно:

– Она же старше тебя, да и намного, поди, годов на десять.

Митя рукой махнул:

– Бери выше, на тринадцать, на чертовую дюжину. Но, как говорится, любовь ровесников не ищет. А хозяйство какое у Мякеши? Мотоцикл «Урал», бензопила «Дружба», телевизор «Рекорд». А какая кровать! Только доползешь, ткнешься – и уже спишь.

Пашко засмеялся:

– А Мякеша?

– Понял. Маху дал. Ребята, это не любовь, это сказка. Мякеше, по-доброму, в фильмах надо бы сниматься, красава! Пашко, дело прошлое, скажи, почему именно тебя хотел добыть зубодер? Лучшему другу! Неужто правда, что пообещал ему золота на зубы, а потом трекнулся?

Пашко насторожился:

– Какое золото я мог ему обещать, Митя? Знаешь, кого раньше золотарем звали? Не того, у кого золота, а того, кто сортиры чистил. Ты меня к этому хочешь приравнять?

Митя тяжело вздохнул:

– Пашко, лучшему другу! Почему я должен узнавать архиважные новости от полоумного Викентия? Он сказал Мякеше, чтобы меня не принимала, а дождалась его, Вику, что он скоро станет богатым, как арабский эмират, потому что они с Пашко, с тобой, то есть, нашли золотой клад.

Пашко так и обмер, хохотнул только:

– Ну, Викентий Амбросимович горазд по части выдумок. Это он мозги туманил твоей Мякеше, а ты и поверил.

Но сообщение Мити всерьез встревожило Пашко. От Гоши, не простившись, забыл, зачем и приходил, бегом к учителю. Тот встретил гостя в дверях, радовался благополучному исходу и не переставал улыбаться. Пашко начал с матерков:

– Викентий Амбросимович, твою мать, почему вся деревня знает о кладе?

Таратутин даже не вздрогнул:

– Ну, положим, не вся, не вся, а только особо доверенные лица. Не вся деревня, а только возлюбленная Мякеша.

– А разве это не одно и то же? Если деревня на утро знает, с кем ночью она переспала, вы думаете, про клад у нее хоть на минутку задержится?

Учитель обиделся:

– Пашко, вы почему так плохо думаете о людях?

Пашко взревел:

– Мне о людях – насрать! Я о кладе думаю! Если этот слух дойдет, куда надо, меня опять возьмут за задницу, и тут уж десяткой евро не открутишься.

Викентий Амбросимович просиял:

– Пашко, значит, клад найден? И почему я узнаю об этом только сейчас?

– Наверное, и в этом мое счастье. Не зря сказано: избави бог нас от таких друзей, а с врагами мы сами справимся. Конечно, теперь уже все пойдет как по маслу, и уже завтра мы встретимся со следователем, но уже на других условиях.

Викентий Амбросимович засуетился:

– Пашко, в чем проблема? Выкладывайте, и будем искать решение. Это я вам как математик говорю, решение всегда есть.

Пашко без деталей и подробностей рассказал о том, что клад – это не демократические пятитысячные бумажки, а драгоценности, которые продать не так просто. Учитель попросил уточнить, что за драгоценности. Когда узнал, что это золото, бриллианты и ювелирные украшения, оживился и забегал по комнате. Пашко терпел, сколько можно, потом окликнул:

– Эй, гражданин Таратутов, вернитесь в реальность! Вам срок светит как соучастнику, а вы радуетесь.

– Дорогой мой юный друг! То, чего вы так испугались, и подтолкнуло меня к верному решению. Коли пошли разговоры о кладе, его надо легализовать.

Пашко еще не дослушал, но уже отрезал:

– А вот хухо ни хохо? Ни грамма никому не отдам!

Учитель саркастически улыбнулся:

– И будете всю жизнь сидеть на куче злата, как тот Кащей? Никто не знает реального объема клада, тем более в ассортименте. Я же вам предлагаю явиться в финансовые органы и сдать золотые слитки, не все, но так, чтобы премия позволяла вам жить без забот. Моя мысль понятна?

Пашко думал. Да, это выход, но надо кинуть им хоть с килограмм, тогда поверят и заплатят четвертую часть цены всего золота. А уж после...

– Хорошо, Викентий Амбросимович, я сегодня все решу. А это вам на первый случай. – Он положил на стол небольшую пачку денег.

Сашко лежал на кровати и ждал. Аниска убежала домой по своим делам.

– Что, брат, плохие новости?

– Не могу ума дать, что теперь делать. Сообщник предлагает часть золота сдать, за него получить законную премию, и тогда можно потихоньку продавать остальное, и открыто жить в достатке. Но это надо обдумать.

И он думал: «Действительно, учитель прав в одном: сдача части клада легализует деньги, и тогда уже никто не спросит, откуда машина или дом в городе. Но велик риск, что просто обманут, обожмут какой-нибудь бумажкой, найдут нужную статью и все конфискуют. А что, если сыграть в открытую? Окончательно запутавшись, он позвонил Гуле. Девушка сразу спросила о самочувствии Сашко, потом о состоянии самого Пашко. Ответил, что состояние жуткое. Очень нужна помощь, совет, но это не по телефону. Гуля засмеялась и похвасталась, что на днях купила маленькую японскую машинку и сейчас приедет.

Он встретил ее у ограды, не хотелось, чтобы она видела всю их нищету, но Гуля настояла, что должна увидеть Сашко. Она села у его кровати и, как мать, тихо спрашивала и тихо же давала советы. Пришла Аниска, Пашко их познакомил. Гуля наказала невесте, чтобы берегла и быстро выходила жениха.

Сели в машину, Пашко кратко все рассказал. Гуля несколько удивилась:

– Пашко, ты будь немного психологом. Деревня, такое событие, все в неизвестности, и вдруг деревенский дурачок объявляет, что есть клад, и он уже почти Рокфеллер. Да об этом поболтают с недельку, и все. Пашко, прости, я вмешиваюсь в твои дела, но как друг, тебе от этого хуже не станет. Я ездила в область по делам и добилась приема президентом банка. Сказала ему о царском золоте в слитках Императорского Банка, он очень заинтересовался. Я уточнила, можно ли совершить сделку без особой огласки, запросов и вопросов. Сказала, что примерно три килограмма, да? И назвала цену, конечно, Пашко, чуть ниже той, по какой золото сегодня торгуется, чтобы у президента был корыстный интерес. Десять процентов он готов выплатить наличными, десять положить на карту нашего банка, а остальные на депозит, они будут работать в банковской системе, а ты получишь от этого проценты. Пашко, это самый надежный способ. Сдать государству – выбросить на ветер. Думай, я готова тебе помочь. Да, слитки не протирай ничем жестким, чтоб никаких царапин, сколов и прочего. Если хочешь – я свожу тебя к президенту. Но сначала в магазин, все новое и приличное, потом в гостиницу, душ и переодевание, потом салон красоты, прическа, ногти, руки. Ты должен произвести впечатление. Ну?

– Я давно согласен, Гуля.

– Решено. Едем послезавтра. Возьми один экземпляр, пусть порадуется. Ты даже не знаешь, что он будет иметь от этой сделки. Золото – это государственный запас, тем более такое.

Пашко вышел из машины и помахал рукой в след уезжающей Гуле. Он согласился, но что так неспокойно на душе?

В магазине Гуля знала, кажется, все, и во всем разбиралась. Она замучила юных продавщиц, бракую костюм за костюмом, и те терпели только потому, что впервые пара русский-казашка в предсвадебной суете. Потом выбрали дубленку, дюжину

рубашек, легкие полусапожки, красивую шапку, перчатки и шарф. Белье и носки девочки принесли уже в пакете.

В гостинице сняли небольшой номер, Пашко помылся, побрился сунутой Гулей в пакет невиданной трехрядной бритвой, обтерся мягким и пушистым полотенцем, накинул халат (Гуля предупредила) и вышел. Девушка подошла и крепко его поцеловала, он хотел ухватить ее на руки, но Гуля засмеялась:

– Пашко, у нас не остается времени. – Подошла, расчесала влажные волосы. – Я тоже люблю тебя, Пашко. И я буду твоей. Даю тебе слово: как только мы сдадим золото в банк, первая ночь – наша. Тебе не кажется, что я чересчур откровенная? Не думай, я не столь развратна, как может показаться, и ты в этом убедишься. Просто судьба нас свела, а я чувствую, что золото как-то стоит между нами. Стоп, про любовь ни слова, до банка десять минут езды. Одевайся.

Президент банка, крупный и сильный мужчина лет сорока, безукоризненно одетый, вышел навстречу, поцеловал ручку Гули и крепко пожал руку Пашко:

– Мы не будем терять время, оно дорого.

Пашко вынул из нового портфеля уложенный в красивый футляр золотой брусок. Президент вынул большую лупу из приготовленного футляра и оглядел брусок со всех сторон.

– Удивительный экземпляр. О цене вы знаете, формальностей никаких, деньги наличными и на карточку по десять процентов, остальные на депозит на три года. Снимите раньше – потеряете проценты. Когда вы привезете остальное и сколько?

– С этим бруском три килограмма. Я могу только через два дня.

– Мы приедем 13 февраля в это же время, – добавила Гуля.

– Все будет готово. Ваш брусок, – он бережно положил золото в футляр и пожал им руки на прощание.

Уже в машине за городом Гуля спросила молчащего Пашко:

– Тебя что-то не устраивает?

Пашко очнулся:

– Меня что-то беспокоит. И президент твой какой-то... Будто его, как и меня, одевали к этой встрече.

Гуля засмеялась:

– Родной мой, президент в этом кресле со дня основания банка. Говорили, что это деньги мафии в основе банка, но теперь он стал авторитетным, входит в сотню самых надежных в стране.

Пашко проворчал:

– В этой стране уже давно нет ничего надежного. Все строится на лжи и природной доверчивости русского человека. Даже в быту. Парень переспал с девчонкой, она в плаче показывает ему примаранное белье. А все знают, что в уборку она жила в общежитии шоферов всю осень. И он верит.

Гуля не повернула головы:

– Это ты про Сашко?

Парень вспылил:

– Да при чем тут Сашко, Гуля, я про весь советский народ! И давай к тебе заедем, я переоденусь, деревня с ума сойдет, явись я среди бела дня в таком прикиде.

Пашко переоделся в свой домашний костюм, все новое положил в кресло, только белье и носки кинул в пакет.

– Оставь, я постираю, – попросила Гуля. – Оставь. Я хочу на мгновение почувствовать себя твоей женой. Ты на работе, а я стираю трусики и майку.

– Не надо, Гуля, я так боюсь, что у нас ничего не получится. Я тупой и необразованный, бескультурный, галстук завязать не умею. Тебе будет со мной просто скучно.

Гуля заплакала:

– Пашко, почему ты мне не веришь? Или ты не хочешь меня, потому что я казашка?

Он быстро поймал ее и легонько прижал к груди, и вся она, легкая и гибкая, сразу стала частью его, он всю ее чувствовал, от дрожащих коленышек до густых черных волос, всегда аккуратно окаймляющих ее чуть скуластое личико с темными глазами и губками, чуть припухшими и влекущими. Он осторожно коснулся полураспахнутых губ, снова прижал головку к груди и надышаться не мог ее запахами.

– Я никогда не любил девчонок, не пришлось. Было, нравились, но это так, баловство, пообжимались у

калитки, и вся любовь. А тебя я боюсь, казашка тут ни при чем, ты очень красивая, образованная, у тебя квартира, машина, специальность.

Девушка вздохнула:

– Ладно, милый, сейчас увезу тебя домой, в четверг я за тобой приеду, и закончим эту эпопею с золотом.

Он вышел из машины, кивнул Гуле, вошел в дом. Подумалось: как низко мы пали, неужели в старые времена так жили? Даже при коммунизме был какой-то порядок, продавали новую мебель, на заработок можно было купить всю обстановку. Недавно Аниска заставила его отодвинуть от стены шифоньер, чтобы пол вымыть, он отодвинул тяжелый деревянный шкаф и глазами уперся в пожелтевшую этикетку: шкаф стоил 38 рублей. Мать получала когда сто, когда больше. Она что, три шкафа могла купить? А сейчас? Заносили мебельный набор начальнику котельных, попросил в магазине Петьки–Парткома погрузить, а дома выгрузить и занести. Шептались: комплект стоит двадцать кочегарских зарплат. А мать говорила, что, когда домик был еще новый, стены белили два раза на году, к Октябрьской и Пасхе. Вот и возьми их за рубль двадцать: к советскому и церковному праздникам. Праздник был, когда крышу покрыли шифером. Красота, нигде ни капельки не промокает. А теперь все течет, не белено годами, запах какой-то нежилой, тухлый. Надо сестер позвать, пусть все побелят и перемоют, на постель надо все свежее купить, привезу тихонько, никто не насторожится. Твою мать, а я Гулю сюда заводил! Что она про меня подумала? А целует. Неужто вправду мне так повезло, что такая девушка полюбила? Казашка. У нас их много, разные, но такой красивой, как Гуля, нету. Он даже боялся вспоминать, что пообещала девушка, когда закончим все дела с золотом. Боялся спугнуть. Суеверный стал с этим кладом.

Сашко пришел с работы веселый, говорит, весь день просидели с Анисой и проговорили, как жить станут, сколько ребятишек заведут, дом новый построят, хозяйство чтобы полный двор, а ребятня с колыбели чтоб к работе привыкали, дармоедов в семье не будет.

– Правильно я понимаю, брат? – спросил Сашко, хлебая деревянной ложкой сваренный Аниской суп. Мяса доброго Пашко в городе купил, Сашко можно только крученное на мясорубке, вот Аниска и старается. А Пашко иногда найдет кусок пожирнее и в кастрюлю, а потом с хлебом и луковицу раздавит ладонью на табуретке, аж сок пойдет. Так мать делала. Так вкуснее.

Положил в пакет полбулки хлеба и шмат сала соленого, тоже на рынке прикупил, пошел в котельную. Вчера поздно ночью взял под сараем длинную лестницу, приставил ко крыше и поднялся на самый верх. Бураны все сровняли, ровная крыша, Пашко не по себе стало, хотя понимал, что никто не залезет и мешок не утащит. Ткнул тонкой палочкой и в мешок попал. С разных сторон его обследовал: лежит, дожидается. Палочкой дырки разровнял, спустился, лестницу на место, два следа от опорных жердин снегом присыпал, притоптал.

Ночь отдежурил, день проспал, ночью опять на крышу, подтянул мешок, нашел пакет с пластинками, сунул аккуратно за пазуху, остальное вытряхнул и в снег подальше сунул, а мешок вниз скинул. В этот раз лопату снеговую с собой взял, разровнял поверхность, вроде сойдет. Двери плотно закрыл, занавески на окнах еще старыми материными шалями завесил, свет выключил – даже соседний уличный фонарь не просвечивает. Вынул бруски, сложил в ряд – двенадцать штук по 250 граммов, несколько маленьких отложил в сторону. Три килограмма. На этот случай купил два метра байковой ткани, настриг двенадцать одинаковых кусков, завернул бруски и перевязал бечевкой. К Гуле заедем переодеваться, там она сама распорядится и переложит в портфель. Спрятал надежно в сарае, пошел в котельную, Сашко отправил домой. Сутки провел на работе, только раз сбегал домой, пару котлет закинул, с Аниской поговорил.

– Сына ждешь, Аниса? – спросил с улыбкой.

Аниска кивнула на Сашко:

– Это папаше сына надо, а мне дочь, чтобы сперва нянька, а потом уж ляльки. И матери помощница.

– И много ты надумала рожать? – опять улыбнулся Пашко.

Аниска подняла голову от цела горячей русской печки, вытерла лицо фартуком:

– А это, Пашко, как Бог даст и как Сашко сможет. Сколько будет, столько и рожу.

Пашко собрался:

– Завтра я в город, так что отсыпайся, а я ночь отдежурю.

Сашко встал с кровати:

– Нет, брат, ты бы отдыхал перед дорогой, а мы с Анисой и в котельной ночуем. Как, Аниса?

– Знамо дело, что ночуем, только я сперва хлебы выну из печи.

Когда они ушли, Пашко понял, что брат правильно решил, день завтра непростой, надо основательно отдохнуть. Сходил за свертком в пригон, положил в изголовье кровати, прилег. Завтра все решится. Сдадим это проклятое золото, вернемся в район, ночь проведем у Гули. А потом уедем куда-нибудь, она лучше знает, куда, и будем жить. От всех этих ожиданий было томительно сладко. Часто ли бывает такое состояние у человека? Редко. И не у каждого. Ему повезло, такое чувство посетило его. Они с любимой девушкой сделают огромной важности дело, а потом, приехав домой, станут мужем и женой, потом свадьба, и – прощай, Сладчанка! Пашко поедет смотреть белый свет. Он так крепко уснул, что не слышал сигнала Гулиной машины. Быстро оделся и выскочил на улицу. Уже светало.

Заехали к Гуле, и все повторилось: он тщательно вымылся, побрился, одел чистое проглаженное белье, халат, она встретила у дверей ванной, горячо поцеловала в губы и шепнула:

– Любимый мой джигит, сегодня наш день.

Президент был так же предупредителен, осмотрел каждый брусок, уложенный в красивую бархатную коробочку, это уже работа Гули, и кивнул головой. Тут же вошла девушка, положила на стол в две стопки одинаковое количество пачек денег в банковской упаковке, запечатанный конверт с банковской картой и два экземпляра уже напечатанного договора на депозит. Гуля все посмотрела, взяла конверт с картой и прочитала договор. Положила его перед Пашко:

– Можно подписывать.

Пашко расписался в указанных местах, они встали, президент молча пожал им руки, и гости покинули кабинет. В операционном зале Гуля подошла к окну, перекинулась несколькими словами с девушкой, и та указала, куда им пройти. В отдельной комнате Гуля положила на банковскую карту половину наличных денег, конверт и карту подала Пашко. Он прошептал:

– Оставь у себя, куда я с ними?

Гуля кивнула и спрятала бумаги вместе с договором на депозит в своей сумочке, поблагодарила коллегу, они вышли из банка, и через полчаса их машина выехала из города. Найдя укромное место, Гуля остановилась, потянулась, потом резко повернулась к парню:

– Поцелуй меня, Пашко, я очень устала и хочу любви.

Он нежно целовал ее в губы, в щеки, в глаза, она что-то мурлыкала, потом оттолкнула парня:

– Все, чуть остынь, а то нам до дома не доехать.

Она включила поворот и выехала на трассу. Машин было немного, да и неопытный водитель Гуля была очень осторожна. Останавливались еще два раза, чтобы просто размяться, подышать морозным воздухом. Когда выезжали на трассу, Пашко показалось, что они уже обгоняли этот джип, видимо, ребята тоже останавливались по своей нужде.

Гуля долго была в ванной, вышла в легком халате и села в кресло. Пашко быстро разделся, обмылся под душем и вышел в халате. Оба засмеялись. Он опять стал ее целовать, девчонка обмякла и шепнула ему:

– У меня есть спальня...

Часа через два раздался звонок телефона Пашко. Он нажал кнопку, говорила Аниска:

– Пашко, милый, Сашко плохо, кровь идет, и до «скорой» не можем дозвониться. Мы с Гошей уже к больнице подъезжаем, ты скажи, где тебя забрать.

– Я все понял, пусть едет на Калинина, 26, я встречу.

Гуля сдернула с кровати простыню и накрылась халатом.

– Милый, иди обмойся и одевай свое. Деньги забери, бумаги останутся у меня. Ты не против?

– Конечно, мы же договорились.

Подошла машина, Пашко поцеловал Гулю, успел сказать, что очень ее любит, и побежал на улицу. Гоше крикнул, чтобы гнал к больнице. Аниска плакала в коридоре, Пашко сидел рядом, охватив голову. Прошел томительный час. Хирург распахнул дверь операционной:

– Все нормально. Он тяжелое ничего не поднимал? Мясо кусками не ел?

– Откуда мне знать? Я на работе – он дома, и наоборот. Мясо? Жена его хорошо готовит, мог и заглотить.

– Шов разошелся, будет лежать, это хуже, чем плановая операция.

Пашко достал деньги и подал доктору две бумажки:

– На коньяк после удачной операции.

Доктор улыбнулся:

– При такой оплате я бы день и ночь оперировал. Ну, будьте здоровы!

На выходе его ждал Виктор Иванович, Гошу и Анфиску он отправил в машину.

– Вы сегодня весь день провели с гражданкой Касеновой, так?

Пашко похолодел:

– Да. Мы расстались три часа назад. Меня вызвали к больному брату в деревню. Но что случилось? Что с Гулей?

– Тогда мужайся, Пашко. Ее убили и дом сожгли, выгорело все, видимо, было использовано мощное сверхгорючее вещество, потому что пожарники даже подойти не могли без спецкостюмов.

Пашко сел на ступеньки крыльца:

– Может, она успела выскочить? Подожди, кто мог ее убить? За что? Я порву этих людей, я найду их. За нами из города шла машина, джип, а потом, когда за мной приехал Гоша, мы ее осветили. Гоша, иди сюда. Когда мы отъезжали от дома, ты не заметил джип на той стороне? Ну!

– Пашко, гадом буду, стояла машина. Обожди. Такая же, как у Петьки–Парткома. А номер...

– Гоша, припух!

Подскочил Виктор Иванович:

– Вы номер запомнили? Говорите!

– Не видел я никакого номера. Только джип. – Гошу трудно переубедить.

– Виктор Иванович, ее нашли, хоть что-то? – Пашко посмотрел с надеждой, как будто это что-то меняло.

– Что ты имеешь в виду? Золото, драгоценности?

– Ох, и сволочь ты, майор! И здесь у тебя подозрение!

– Не обижаюсь, Пашко, прими соболезнования, ничего не удалось найти. Там чуть ли не напалм был использован. Кому она была так нужна, или то, чем она владела? Что скажешь, Пашко? Но есть у меня подозрения, что все это как-то связано с золотом.

– Больше, майор, это связано с любовью. Мы сегодняшней ночью стали мужем и женой. Если бы меня не вызвали к брату, все было бы по-другому.

– Да, было бы два сгоревших тела, только и всего. Тут действовали профессионалы высшего класса.

– Найди их, потому что если я найду вперед, я их зарою.

– Ты что-то знаешь. Поделись.

– А если ничего не знаю?

– Свободен. Поезжай в свою Сладчанку.

Два дня Пашко не выходил из дома, прямо из горлышка пил коньяк, плакал и думал, думал. Не давало покоя какое-то скрытое выражение жестокости на внешне благообразном лице президента банка, закрывал глаза, и всплывал в памяти джип. Позвонил Гоше Семиколенному, тот пришел и даже испугался вида Пашко: синюшный, опухший, глаза красные.

– Гоша, напряги память, что на номерах ты заметил?

Гоша присел на стульчик:

– Ты не мстить ли собрался? Выкинь из головы, это бандиты. Номер я видел и помню, но не скажу, иначе и ты пропадешь.

Пашко посмотрел на него жуткими глазами:

– Я так и так обречен, если только это из банка, а других вариантов нет, и они узнают, что я не сгорел вместе с Гулей – отдельно сожгут. Потому я должен знать, кто это, чтобы опередить. Помоги, Гоша!

– Ладно. Но только аккуратно. Номер 123, две буквы О видел. А

номера эти спецом выдаются, только для своих, их и милиция не трогает, я от ребят знаю.

Пашко помолчал, прикидывая:

– Поедем завтра в город, надо одно дело провернуть.

Гоша насторожился:

– Пашко, если со смертельным исходом, то я пас.

Парень ухмыльнулся:

– Паси, паси, да пораньше пригоняй.

Утром выехали рано, к десяти часам были в центре. Пашко оставил Гошу на стоянке, сам пошел в оружейный магазин, подошел к отделу пистолетов. Подозвал паренька, под ноль стриженого, со шрамом на щеке, попросил наклониться:

– Нужен «Макаров» и три коробки патронов, разных, ты понял?

– Базара нет. Бумаги давай.

Пашко вытащил бумажник и выдернул две долларовых сотни. Парень испугался:

– Ты с ума сошел, убери!

– Я тебе еще дам. Решай, я пойду за винтовкой.

Невысокий и толстый, как колобок, продавец винтовок начал было давать характеристики, Пашко через прилавок поймал его за воротник рубашки:

– Мне нужна хорошая винтовка с оптикой и глушаком. Говори, сколько надо, я плачу и ухожу.

Толстяк вспотел, но ответил резко:

– Ну, знаете, молодой человек! Без разрешительных документов...

– Дурак, – шепнул Пашко. – Я через дорогу перейду к вашим конкурентам и куплю, тебе не обидно будет терять такой бонус?

Толстяк улыбнулся:

– Вы умеете убеждать.

Все покупки ему уложили в большую охотничью сумку, он позвонил Гоше, чтобы тот подъехал, не гулять же с таким набором мимо областного УВД. За городом Гоша спросил:

– Ты оружие купил?

– Рогатки.

– А я тебя обрадую. Вышел покурить, а джип наш мимо меня и к банку, к стекляшке. Я посмотрел, вышел здоровый мужик с портфелем, видно, начальник, два клоуна в машине.

Пашко одернул:

– Гоша, гонишь! В машине стекла должны быть тонированы.

Гоша обиделся:

– Пашко, если считаешь меня дураком, нахера спрашивать? Они дверцы открыли, чтобы покурить. И дверцу эту, Пашко, я видел с торца: в три пальца толщиной, бронирована машина!

Пашко кивнул: это хорошо, он и без того догадывался, что такой бандюга на «Запорожце» ездить не будет. Значит, надо выследить, где останавливаются, сколько стоят, осмотрительны или беспечны. На другой день, спрятав оружие, автобусом уехал в город, зашел в общагу, договорился с администратором, взял ключи от комнаты. Полдня провел около банка, наблюдая издалека, чтобы не попасть в камеры, без четверти двенадцать вышел шеф, Пашко сразу его узнал, оценил обстановку, справа выскочил охранник и открыл заднюю дверь. Так, срочно такси и проехать за этой машиной. Таксист лох, туркмен или таджик, велел остановиться метров за пятьдесят. Та же картина, правый открывает дверь, шеф выходит, ребята курят, приоткрыв дверцы. Сбегал в общагу, переоделся, опять к банку. Ровно к двум подъехали, выпустили шефа, поехали. Все, можно до вечера ждать у банка. Три дня наблюдений дали результат: приезжает и уезжает точно по графику, все вместе никогда не выходят, водитель остается за рулем. Брать их только отдельно: водилу и охранника, а потом шефа. Или наоборот? По первому варианту шеф так замкнется, что никогда его не достать, а это Пашко не устраивало. Убрать его – эти разбегутся, как тараканы. Нет решения, и спросить не у кого.

Пошел на рынок, присматривался к молодым русским мужикам, торгующим мелкими запчастями к машинам, безделушками разными. Несколько раз подходил к здоровяку, на столике лежали блесны и рыболовные крючки. Настораживал краповый берет, а на дворе минус десять. Раз прошел Пашко, второй, пока здоровяк не остановил:

– Тебя, я вижу, размеры моих снастей не совсем устраивают?

Пашко ответил:

– Совсем не устраивают.

– На крупную рыбу собрался?

– Да, но ума не хватает, как ее взять... разом.

Здоровяк кивнул: иди за мной. Зашли в вагончик, там грелись четверо:

– Ребята, погуляйте, разговор с человеком. Говори.

– Мою девушку убили и сожгли. Хочу отомстить. Я их нашел, выследил. Они бугра привозят и покуривают, тут бы я мог их шлепнуть, но самый главный потом спрячется – не найдешь. А его надо обязательно.

Здоровяк снял бушлат, сдернул тельняшку, повесил над батареей, снял теплую, одел. Пашко увидел все опознавательные татуировки ВДВ.

– После ранения потеть начал, ни с того, ни с чего. Вот, сушу тельники. Так ты их из пистолета хотел? Молодец! Они же тренированы, как собаки, ты и вынуть свою свистульку не успеешь, как тебя изрешетят. А ты уверен, что это они?

– Уверен. У главного дважды на приеме был, а джип я видел и на трассе, и когда от дома девушки ночью отъезжали с другом. Друг даже номер усек. Я три дня проверял: все сходится.

– А если убивали и жгли другие?

– Исключено. Я к вахтеру подходил, спросил, как на эту машину водилой устроиться. Тот засмеялся, говорит, у шефа эти двое незаменимы, три года с ним.

– Это хорошее уточнение. Вот что я тебе скажу, ты, я вижу, парень деревенский, я тоже, только давно из дома, озверел. Отомстить – святое дело, тем более что уверен: ошибки нет. Но ты же вахлак, убьют сразу. Поверь мне, я сам был на подхвате, там такие орлы тренированные, что только рот открыл, а он уж понял. Если все, что ты сказал, верно, то брать их надо разом, одним ударом.

Пашко не понял:

– Как это?

– Как на фронте, «Стрелой».

– Да, автомобиль бронированный.

– Это херня, броня там детская, не танк и не членовоз президентский. Бронебойный пройдет, как в масло.

Пашко вздохнул:

– Тогда плохи мои дела. Куплю гранату и взорву их вместе с собой.

Здоровяк засмеялся:

– Можно, конечно, но это глупо, когда есть решения попроще. Конечно, это будет стоить денег.

– Сколько?

– Не могу влет сказать, надо изучать объект и обстановку, но в пределах... – Он взял карандаш и написал на листочке цифру.

Пашко глянул и кивнул:

– Согласен.

Здоровяк удивился:

– Где ты в деревне такие бабки возьмешь? Это же доллары, дурень!

– А мне Гуля перед отъездом все свои деньги отдала, мы с ней собрались зарегистрироваться и за границу поехать. Есть деньги.

– Добре, тогда информация о клиентах.

Пашко рассказал все, что знал, рассказал и о сделке с золотом, только золото якобы Гули, ее родители нашли в древнем кургане. Карточка с кодом на миллион рублей в долларах и договор на депозит на пять миллионов, переведенных в евро, это все у нее на руках. А они и ехали следом, чтобы обстановка не успела смениться.

Здоровяк написал на бумажке и подал Пашко:

– Это мой телефон. Его больше никто не знает. Напиши свой, я тебе с этого позвоню, как все будет готово. Это значит, клиент опознан и обозначен, находится под контролем. Тебе достаточно быть в городе. По радио и ящику сразу сообщат. Если скажут, что все трое холодные, сразу вези расчет сюда, на рынок. Если кто-то выжил, умрет вечером в больнице, у нас это отработано. Все, ехай домой.

Пашко встал и задержался:

– Я вам поверил. Не о бабках речь, о смерти их поганой. Не будет промаха?

Здоровяк тоже встал:

– Промах, брат, всегда может быть, но на то мы и спецы, чтобы без промаха. И повторяю: ни один не уйдет. Потому и расчет только после полного выполнения договора.

Пашко простился со здоровяком, так и не узнав его имени, да оно ему и не надо. Грохнет он этих уродов, вопросов нет. Увижу, отдам деньги, а дальше? Разве появится в душе хоть

сколько-то успокоения, разве может принять душа любимой Гули такое отмщение, сделанное чужими руками за деньги? Если ты действительно любишь, если ты воистину джигит, как любовно называла тебя в постели стройная, как газель, юная казашка, ты сам должен это сделать, своими руками, вот этими, которым она позволяла обнимать и дотрагиваться до самых сокровенных уголков своего прекрасного тела. Пашко заплакал от стыда, закрывшись руками, чтобы соседи в автобусе не увидели.

В райцентре купил старенький «УАЗик», в котельную вместо себя и больного Сашко определил парней из безработных, а сам каждый день выезжал в лес, ставил листы фанеры, уходил за триста метров и стрелял из винтовки по паре обойм. Вернувшись, считал пробоины и удивлялся: все пули приходили в цель. Десяток тренировок убедили его, что можно продолжать дело.

Дома надежно спрятал бриллианты и украшения из оловянной шкатулки, в укромное место положил деньги, достаточно, чтобы Сашко с Анисой жили безбедно, если с ним вдруг что, и ранним утром уехал в город. В том же общежитии снял комнату с металлической дверью и крепкой решеткой на окне, перенес туда сумку с оружием. Пошел на перекресток, к банку, проверил, вовремя ли питается президент. Оказывается, привычка – вторая натура, без четверти двенадцать подлетал джип, ровно в два часа он вставал на то же место. Как заведенный, выскакивал с переднего места охранник, не спеша поднимался по широким ступеням президент. Водитель опускал стекло и курил, выпуская дым красивой струей.

В тот же день Пашко подошел к подъезду пятиэтажного дома на противоположном углу, у третьего подъезда сидят старушки, беседуют. Его сразу обыскали взглядами.

– Извините за беспокойство, – обратился к ним Пашко, – не подскажете, нельзя ли в вашем доме снять квартирку, только не на первых этажах, я работаю, пишу, мне нужна тишина. Лучше бы на четвертом или пятом.

Старушки осмотрели его и остались недовольны внешним видом. Пашко быстро исправил оплошность:

– Не обращайте внимания, я снял комнату в общежитии, и уже порядок стал наводить, но понял, что не смогу там работать, очень шумно, даже ночью. Я писатель, понимаете? Так что вы мне скажете?

Подружки переглянулись, перешепнулись, и одна удостоила ответом:

– Анна Ивановна уехала к дочери в Томск, разрешила сдавать квартиру, но, молодой человек, это три комнаты, будет стоить довольно дорого.

Пашко едва скрыл радость:

– С кем решать вопрос? Я готов платить разумные деньги.

Через пять минут привели распорядителя. Егор Сергеевич, крепкий пожилой человек, придирчиво осмотрел Пашко и спросил:

– На какой срок вы бы хотели снять квартиру? И какая семья?

Пашко для приличия помялся:

– Можно пока на полгода? Но я один, не беспокойтесь.

– Можно и на полгода, но оплата за первый и последний месяц вперед. Деньги мне, а коммуналку и прочее оплачиваете сами.

Парня абсолютно все устраивало, и он вежливо отвел распорядителя в сторону:

– Я буду вам отдавать полуторную цену, но освободите меня от коммунальной суеты, пожалуйста.

Мужик крякнул: это ему понравилось. Пошли смотреть квартиру. Пашко сразу прошел в гостиную и к окну: банковский подъезд как на ладони. Это то, что надо.

– Молодой человек, я отдам вам ключи, но мне нужны гарантии. Например, паспорт. А то, знаете, обчистят квартиру, и поминай как звали.

Пашко задумался. Отдавать паспорт нельзя, город, в любой момент могут спросить. Что ему дать, чтобы он отвалил и не надоедал? В общаге в сумке лежат несколько ювелирных безделушек, привезу и отдам, вроде как залог.

– Квартиру я снимаю, вот аванс, а по гарантии мы с вами решим, когда я привезу вещи. Ключи пока оставьте у себя.

К вечеру он был полноправным хозяином. Егор Сергеевич остался очень доволен залогом и вообще квартирантом, парень обходительный, состоятельный, писатель, просил ему не мешать. При таком наваре можно раз в месяц приходить и получать свое.

Еще два дня наблюдал Пашко за жертвами через оптический прицел, привыкал к живым людям за мгновение до смерти. Выходило, что самое удобное время – вечер, когда клиенты уже не снуют туда и обратно, лестница совершенно пуста, президент выходит устало–медленно, брать его надо на верхних ступеньках, чтобы ребята оба успели выскочить. Сложно, но не отрепетируешь. Надежда только на сноровку и удачу. Выхода нет, звонок здоровяка он проигнорировал. Вечером решил: завтра. Купил бутылку спирта, в аптеке пару резиновых перчаток, мягким полотенцем протер все, к чему за эти дни прикасался. Пистолет с патронами положил в карман куртки, вынул обойму с патронами и тоже прошелся полотенцем. Винтовку после стрельбы обработать, в бутылке остался спирт. Бутылку обмыть остатками, мокрой тряпкой вытереть дверную ручку, и вниз. Все рассчитано, осталось самое главное.

Спал хорошо, никаких снов, видимо, сказалась успокоенность принятым решением. Весь день никуда не выходил, еще раз протер дверные ручки, кружку, из которой пил кофе, кофейную банку, краны в ванной и кнопку на туалетном бачке. Надел перчатки, чтобы больше нигде не наследить, ничего нельзя упустить, ведь «пальчики» есть у Виктора Ивановича, одна ошибка, и он раскрыт.

С четырех часов стоял у приоткрытого окна на коленях на диванной подушке, машина могла подойти и раньше. Нет, в пять с минутами дверь распахнулась и на крыльце появился президент. Он дошел до ступенек и остановился, сняв богатую шапку и вдыхая чистый холодный воздух. Оставив крестик по центру лица, Пашко нажал спуск. Президент рухнул на верхнюю ступеньку, отбросив в сторону портфель. Первым выскочил охранник уже с пистолетом, кинулся к шефу и, поняв все, выпрямился. Пашко выстрелил в грудь, а потом в спину подбежавшего водителя. Все трое лежали без движения, по ступеням стекали три ручейка крови. Пашко сунул винтовку под диван, надел куртку и шапку, прошелся полотенцем по ручке входной двери и вспомнил: ручка окна! Быстро вернулся, закрыл окно и протер ручку, вернулся к выходу, опять прошелся по ручкам внутренней и внешней, полотенце бросил в угол. Скатился по лестнице, на ходу сорвав перчатки и сунув их в карман, никого не встретил, из входной двери свернул вдоль стены, на соседней улице сел в автобус, идущий в сторону общаги. Тут его начало колотить от нервного перенапряжения, бледность выступила на лице. Контролер подошла и спросила, все ли нормально. Пашко кивнул:

– Лишнего выпил вчера, сердце клинит.

– То-то я чувствую, что от тебя спиртным несет.

Гоша Семиколенный, вызванный еще вчера, ждал у общаги. Пашко забежал в комнату, схватил свои вещи, открыл бутылку водки и тоже протер все, что можно и нужно. Остатки водки выпил прямо из горла, обихоженную бутылку поставил на стол. Снова ручки, ключи, и – тряпку в мусорное ведро. Сел в машину:

– Гони, Гоша, за городом остановишься у магазина, надо бутылку коньяка взять.

Гоша смотрел на друга с испугом:

– Пашко, с тобой что-то неладно, натворил чего?

– Натворил, – согласился парень, – драку вчера устроил, потому из города скорей.

Выбрались на трассу, остановились у магазина, Пашко сбегал за коньяком, приемник включил еще в городе, а сейчас прихлебывал коньяк из бутылки и ждал новостей. Наконец, пропала веселая музыка, и диктор сказал, что будет передано экстренное сообщение. Следственный комитет сообщил, что в центре города произошло дерзкое преступление, бандой снайперов на крыльце «Мегабанка» убиты президент банка и два его охранника. Введен план «Перехват», создана оперативная группа, просьба ко всем гражданам оказывать следственным органам всемерную помощь.

– Слышал? – спросил Гоша.

– Про что? – Пашко будто и не понял, о чем речь.

– Банкира с охраной замочили, ты разве не слышал?

Пашко отмахнулся:

– Да оно мне надо? Убили – стало быть, есть за что. Нас с тобой не убьют.

Гоша пробурчал:

– Дай-то Бог!

– Хелло, это месье Пашко?

Пашко вздрогнул от неожиданности:

– Да, это я.

– Вы прислали нам письмо и в нем этот телефон. Я Натали Кутельникова. Я бы просила вас подтвердить то, что вы заявили в своем послании.

...Пашко две недели не выходил из дома после совершенного возмездия, думалось о Гуле, что надо узнать у знакомых казахов, где мусульманское кладбище, и сходить на могилу. На похороны Адия идти не советовала, чужих не пускают, да и разговоры может вызвать это появление. Думал о дальнейшей жизни, и чем больше думал, тем больше росло в нем презрение и даже ненависть к этому проклятому кладу, к золоту с бриллиантами. Вот тогда он достал из щели в стенке сарая французский конверт с письмом и адресом, адресок переписал, а ночью сочинил письмо:

«Господам Кутельниковым в город Париж из села Сладчанки.

Господа Кутельниковы, много лет назад ваш родственник, отец он вам или кто иной по родству, Афанасий Артемьевич, прислал в наш сельсовет письмо, в котором уже второй раз, после отца, по его завещанию, указал, что под вашими магазинами, которые и сегодня в добром здравии, зарыты клады. Там были указаны некоторые хитрости, но в то время никто не стал искать клады, потому что капиталистам никакой веры не было. И вот минувшей осенью я случайно нашел письмо это и с помощью Викентия Амбросимовича, учителя, разобрался, что к чему, и клады те добыл. Лучше бы я этого не делал. Золото не принесло мне счастья, а одно только горе, потому что из-за него была зверски убита и сожжена в своем дому моя любимая девушка. Я проклял богатство и отказываюсь от него, а потому предлагаю вам приехать и забрать все, что осталось. Пишу свой телефон, адрес вы знаете, а зовут меня Пашко, любого в деревне спросите, вам скажут.

Пашко».

С письмом поехал в райцентр, на главпочтамт, спросил, как отправить письмо в Париж. Женщина порылась в справочниках, подала конверт и велела писать адрес. Наклеила кучу марок и бросила на стол.

– Дойдет оно до Парижа? – с недоверием спросил Пашко.

– Дойдет, извещение получишь.

И вот звонок.

– Месье Пашко, скажите, пожалуйста, что из заложенных кладов вы предлагаете вернуть?

– Все, кроме золота. Оно украдено.

– Я вас поняла. Вы один владеете этой тайной?

– Барышня, если мы с тобой еще минут пять поболтаем, об этом будет знать вся Европа!

Барышня засмеялась:

– У вас прекрасный юмор!

– Так вы едете или нет?

– Мы с братом сегодня все обсудим и я вам позвоню.

В субботу Пашко ждал гостей. Как сообщила Натали, они с братом Пьером вылетели из Парижа и сразу сели на самолет до областного центра. Здесь их встретил Гоша, удививший своей машиной, которая, несмотря на ужасный внешний вид, ехала вполне прилично. Наблюдая за встречными машинами, Пьер спросил Гошу:

– Простите, а эти машины почему здесь едут?

– А где им ехать? – хохотнул Гоша.

– Но есть же полоса встречного движения?

– Вот это она и есть, – кивнул водитель.

– Боже! Тогда прошу вас ехать медленнее. Это безумие, почти лобовое столкновение!

– А мы привычны, нам и так хорошо, – Гошу веселил страх француза.

Подъехали к дому Пашко, он вышел, познакомились, пожали друг другу руки.

– Вы здесь живете? – с удивлением спросила Натали.

– Живу, – мрачно ответил Пашко и пригласил в дом. – Я вам все отдам, и Гоша отвезет вас в город.

Натали вдруг запротестовала:

– Нет-нет, я хочу несколько дней прожить на родине предков. Пьер, ты не против?

– Согласен. Мы можем поохотиться?

Пашко усмехнулся:

– Нечем. У меня все оружие конфисковали.

– Как это? – удивился француз.

– Как? У вас полиция есть? И у нас есть. Закон нарушил – оружие забирают. Да и некогда мне с вами гостевать, я на работе.

Пьер опять ничего не понял:

– Пашко, имея на руках целое состояние, вы еще и работаете. Кем?

– Вот дободался, – проворчал Пашко. – Кочегаром в котельной.

Пьер возмутился:

– Но это же грязная работа.

– А другой нет, – развел руками хозяин.

Натали осмотрела избу и горницу, тронула Пашко за рукав:

– А где мы можем спать?

– Скажу Гоше, увезет вас в гостиницу в райцентр, там и ресторанчик есть.

– Но утром мы вернемся, ваш водитель сможет за нами приехать?

– Куда ему деваться, заплатите – приедет.

Кое-как проводил гостей. Драгоценности они только посмотрели, но брать с собой поопасались. Весь день гости ходили по селу, сравнивали с планом, нарисованным еще дедом, и возмущались. Потом Пашко нашел им лыжи и с Гошей отправил в лес, однако через полчаса Натали вернулась:

– Пашко, почему вы не хотите погулять с нами? Вы очень приятный молодой человек, я бы с удовольствием с вами побеседовала.

Парень усмехнулся:

– Так в чем дело? Снимай лыжи и заходи в избу, там и побеседуем.

За ночь Пашко успел кое-как прибраться, стало уютнее. Шубку гостьи он унес в комнату и повесил на гвоздик.

– Пашко, вы редкой порядочности человек, отказаться от такого богатства, живя, по существу, в нищете. Может, вы передумаете?

– Слушай, барышня, я отдаю вам все, что есть, забирайте и уезжайте. Ничего больше объяснять вам не буду.

– Пашко, я бы хотела остаться на родине... на некоторое время, например, на год. Пожить на земле предков. И познакомиться с вами, вы такой милый, хоть и сердитый. Я понимаю, вы потеряли любимую девушку, но вы еще совсем юноша, и это скоро забудется. В это время я бы хотела быть рядом с вами. Пашко, давайте проводим Пьера, вы поможете мне найти приличный дом в городе и будете приезжать ко мне в гости.

Она подошла к парню и прижалась к нему, слегка обняв за талию:

– Пашко, ты мне нравишься, очень нравишься. Если бы ты согласился поехать со мной в Париж, я была бы счастлива.

Пашко чувствовал ее сильное тренированное тело, тугую грудь под свитерком, запах тонких духов, легкая дрожь прошла по его телу, он вдруг вспомнил Гулю, вот так же прижавшуюся к нему в последний раз, резко и осторожно снял руки Натали с пояса и сказал внятно:

– Барышня, ты что такое несешь? Пашко в Париже? Да в Сладчанке куры со смеху подохнут! А насчет того, что я понравился: одичала ты за это время без ухажеров, вот и запала на первого попавшего. Сегодня Гоша увезет вас до района, а до Парижа вы дорогу знаете.

Натали покраснела:

– Значит, вы меня отвергаете, отвергаете Париж и остаетесь в этой дыре?

Пашко едва сдерживал себя:

– Значит, в тебе русского ничего не осталось, если ты не можешь меня понять. Это моя деревня, я тут родился, тут моя мама похоронена и отец, здесь могила моей первой и единственной женщины. Уезжай, все барахло в пакете на столе.

Натали подошла к столу:

– Пашко, я вам оставлю немного бриллиантов и ювелирных безделушек.

Он встал и подал даме шубку, пакет с драгоценностями запихал в

самовольно расстегнутую дамскую сумочку и повел ее на улицу. Гоша уже сидел в машине, Натали что-то резко сказала Пьеру, он убежал переодеваться, и через пять минут Пашко захлопнул за ним дверцу машины.

Неделю Пашко пил, Аниса приносила ему в постель квашеную капусту, соленые огурцы, горячий суп, ходила, как за ребенком. Он благодарно смотрел ей в глаза, доставал из-под кровати бутылку и пил из горлышка, через силу глотая жгучую жидкость. Спал или нет, просто забывался, старался ни о чем не думать. Попросил Сашко протопить баню, долго парился, изгоняя хмель, после бани пил горячий чай на травах, потел, менял полотенца. Вечером оделся, пошел в котельную к брату. Сашко обрадовался гостю, стряхнул одеяло с топчана, усадил, предложил чаю:

– Брат ты мой родной, хорошо, что ты остановился, я боялся, что так и кончишься с этим коньяком. Ладно, теперь успокаивайся, жить-то надо.

Пашко поднял на него глаза:

– А зачем, брат? Зачем мне жить? Я проклял это письмо французское, этот клад, эти деньги. Как я рванулся к богатой жизни! Как! Все забыл: тебя, маму, деревню, как будто и не я уже, помнишь? А потом Гуля... Ты знаешь, что я к девкам не особо льнул, так, побаловаться. Я и не знал, что есть любовь. А Гуля – она как приснилась. Сашка, ты счастливый человек, у тебя Аниска, скоро ребеночек родится, будет семья. У меня немного денег осталось, тебе отдам. И карточка тоже, на нее дом купим в деревне, пусть Аниска слух пустит, что отец ей на свадьбу подарил. Будешь ты жить, как человек.

Сашко потянул за рукав:

– А ты как же, брат?

Пашко не ответил. Не станешь ведь брату рассказывать, что пару раз доставал пистолет, уходил в край села, стрелял в воздух, проверял, чтобы осечки не случилось. А себе в сердце выстрелить не смог.

– Нормально, Сашко, ты за меня не переживай.

Вечером позвонила Адия:

– Здравствуй, Пашко. Я тебя не беспокоила, знаю, как тебе тяжело. Наверное, ты хотел бы побывать на могиле Гули, я приеду, вместе сходим. Когда можно?

– Адия, да хоть завтра. И фотографии Гули привези.

Она приехала через два дня, заплакала, но только руку подала для приветствия. В машине достала пакет с фотографиями, но он, не глядя, положил в карман. Поехали на кладбище, по тропинке в снегу дошли до могилы Гули. На холмике земли, укрытом свежим снегом, небольшой камень. Пашко встал на колени и коснулся лицом камня, шепнув заветное имя. Встал, бледный и погасший. Адия сбоку обняла его за плечо:

– Пашко, надо пережить это горе, ради Гули, чтобы она на небесах радовалась за тебя.

Парень повернулся к ней, горько усмехнулся:

– Какие небеса, Адия, она вот тут, полтора метра от меня, а смерть стоит между нами.

Он еще раз поклонился дорогой могиле и первым пошел к выходу. Уже в машине Адия рассказала, что последний звонок Гуля сделала ей, сказала, что Пашко уехал и вне зоны, а в ее доме какие-то люди ломают двери. Сказала, что телефон полиции занят. Успела крикнуть, что это люди из банка, и сразу кто-то выключил аппарат. Адия взяла Пашко за руку, сжала ее крепко:

– Я сразу поняла, что это твоя месть. И душе Гули легче.

Парень молчал. Все слова казались лишними.

– Я увезу тебя домой, а сама вернусь на кладбище. Пашко, за неделю до свадьбы мой жених разбился на машине.

Ехали молча, каждый думал о своем. Около дома Адия спросила:

– Если нужно, я помогу тебе с продажей драгоценностей. Гуля мне все рассказала, как будто чувствовала.

– Не надо. Их нет. Все, что осталось, отдал хозяевам.

– Хозяевам? Каким?

– Тем, кто зарывал этот проклятый клад. Написал им в Париж, приехали и забрали. И не надо больше об этом, Адия.

Девушка смутилась:

– Прости меня.

– Да ладно. Если мне станет совсем плохо, я тебе позвоню, ты напоминаешь мне Гулю. Поверь, я понимаю твое горе. Но ты сильная девчонка, выдержишь. Поезжай аккуратно.

Дома радость: Сашко нашел хорошую усадьбу, хозяева уже уехали, цена назначена, ключи у родственников. Зовут Пашко посмотреть дом. Пашко идет, надо же брата поддержать. Дом не старый, рубленый в чашу, обшит тесом, крыт оцинкованным профилем, им же ограда вся обнесена. Во дворе под одной крышей теплая стайка для коровы, пригончик открытый, сарай, баня, колодец.

– Нравится тебе, Аниса? – спросил невестку.

Та заплакала:

– Пашко, родной, да как же не глянутся такому чуду! Ты погляди, чего в дому только нет. Кухня большая, плита газовая и с электрой, а через коридор горница, да спальня, да для ребенков комната. Жить и радоваться!

Брату сказал:

– Сегодня же съезжу в район, деньги сниму. Не рядись, не унижайся. Сколь запросили, столь и отдай. Документы все оформи, как следует. Я Гошу попрошу грузовик завести, привезем вам мебель, а то ведь и сесть не на что.

Со двора хозяйственного магазина «Все для вас» положили в кузов простенькие комплекты кухонной и гостиной мебели, холодильник, телевизор, тарелку антенную, ковры, рулоны паласов для пола, даже люстры. Приехали под вечер, загнали машину в ограду, все разгрузили.

– Это мне на неделю работы, – сокрушался и радовался Сашко. А Аниса не успевала слезы вытирать. Пашко дал ей денег и на другой день отправил с Гошей на легковушке закупить посуду. Среди дня позвонил Гоше:

– Как вы там?

Гоша заорал, можно было без телефона услышать:

– Ты кого со мной отправил? Она загрузила «жучку», что самой сесть некуда, говорит, автобусом поеду.

Пашко засмеялся:

– Что ты хочешь, Гоша, если мы слаще морковки ничего не ели? Вези и Аниску домой, она на сносях, по автобусам-то толкаться.

Параня с Гараней, обе в положении, пришли, все вместе побелили стены, вымыли потолки. Пашко помогал собрать и расставить мебель, повесил люстры, ковры на стены укрепили и паласы на пол раскинули. Аниса как будто ждала этого момента, заявила:

– Все, муж мой любимый, вези меня в роддом.

Вечером Сашко прибежал в котельную:

– Братка, девочку родила Аниска, все благополучно. Порадуйся за меня, ты за последние дни не улыбнулся ни разу.

Пашко обнял брата и вытер ненужную слезу.

Через неделю привезли мамашу с дочкой, сестры с мужьями пришли, на ребенка мать дивиться не давала, чтобы не сглазили, сели за стол.

– Дочку-то как назвали, родители? – спросила Параня.

Аниса поглядела на мужа, Сашко встал с рюмкой:

– Брат мой, если ты не против, назовем дочку Гулей.

Пашко как током пронзило, он вскочил, замотал головой, замычал невнятно:

– Не-е-е-т, никогда, слышите, никогда!

И выскочил из дома. Сашко кинулся за ним, догнал в воротах:

– Брат, прости, мы же хотели, как лучше.

Пашко уперся головой в ворота, его трясло и мутило:

– Пальтишко мне принеси, я домой уйду.

Сашко принес пальто и шапку.

– Не обижайся, Санька, не смогу я слышать это имя. И на счастье твое смотреть не могу. Пойду домой. А вы живите счастливо, раз вам с Аниской так повезло. И не ходи ко мне пока, не звони. Все, пошел я.

Весна за несколько дней согнала снег, с Горы мутными потоками в Кизиловку и Сухарюшку неслись талые воды. Зазеленела на склоне Горы пахота на матерном слове, словно кто краской буквы вывел. Подперло изнутри и подняло лед на старицах. Только не гудят тракторы, не тащат на поля сцепами во всю ширину улицы бороны, культиваторы и сеялки. И

грузовики не везут со склада семена для раннего сева. Но мимо села проскользнули несколько иностранных агрегатов, которые и боронят, и сеют, и одновременно удобрения вносят. Это хозяин большого молочного комплекса договорился с главой района и взял бывшие колхозные земли в аренду чуть не на полвека. Когда его люди приехали оформлять договора на аренду земельных паев, чуть восстание не случилось, потому что пишут оплату за аренду пая в четырнадцать гектаров – три центнера зерна, даже не указывая, какого. Поднялся шум, но приехал районный глава и сказал, что земля вообще станет бросовой, если будете выпендриваться, потому что свободных земель в районе полно. Выпендриваться перестали, хотя понимали, что их просто используют.

Весна буйствовала на лугах, где раньше травы стояли чуть не в рост человека, косилками выстригали все, стога ставили рядами, как на параде, приговаривал тогда еще молодой Архип–Знаменосец. Нынче травы не косят, нет в деревне фермы, редкая коровка подаст голос утром на чьем-то подворье.

Птицы нагрянули с южных голодных краев, все болотинки, все старицы накрыли утки, гуси, лебеди. Малая пташка вернулась к родному гнезду, скворец, ласточка. Все к жизни, все в радость.

Пашко постарел за это время. Какой год он пережил, страшно подумать. И лихорадку эту золотую, и порыв к богатой роскошной жизни, и зарождение в душе самолюба и собственника, а потом убийство, вспыхнувшая сердечным жаром любовь, смерть Гули и страшная месть за ее гибель. Приезжал Виктор Иванович, не как следователь, чисто по-человечески. Сказал, что дело по убийству Гули Касеновой зависло, никаких следов, никаких свидетелей. Областники с убийством банкира тоже в тупике, ничего не могут найти, кроме снайперской винтовки в соседнем доме. Соседи помогли составить фоторобот, но это ничего не дало.

– Зачем ты мне это рассказываешь? – спросил Пашко.

– Думаю, тебе это интересно, – ответил Виктор Иванович.

Пашко помолчал, потом сказал:

– Теперь уже мне ничто не интересно. Живу, как во сне.

– Женится тебе надо, Павел, семья, дети – это лечит.

Пашко улыбнулся:

– Ты меня первый раз полным именем назвал, даже не сразу понял, что это я. Жениться? Как, если она всегда рядом со мной? Я с ума сойти боюсь, и нет мне выхода.

– В церковь не ходишь?

– Нет. Да и за мусульманку как молиться? Я и за себя не умею. Нет, не пойду.

Виктор Иванович встал:

– Прощай, Пашко. Меня в область переводят. Хорошо, что я тебя тогда не посадил, не стал рыть под золото. Правда, не за спасибо, но те деньги были у тебя не последние. Прощай.

Пашко тоже встал и пошел в свою мастерскую, оборудовал дома хорошую столярку в горнице, детскую мебель стал делать. Кроватки двум племянникам и племяннице, столы и стульчики, игрушки деревянные. Приезжала Адия, весь день провела в его мастерской, приготовила вкусное мясо, вместе посидели за новым самодельным столом на крепких табуретках. К вечеру собралась ехать, Пашко вышел проводить. У машины остановились:

– Паша, можно, я к тебе еще приеду?

– Можно.

– Ты ничего больше не хочешь мне сказать?

– Пока ничего.

Машина пошла тихо, потому что три мамаши с колясками шли впереди. Пашко подождал, пошел навстречу, и только Аниса заметила, как потеплели всегда потухшие его глаза.

Над деревней собиралась гроза, мамаши, показав своих малышей, покатили по домам. Пашко остался на дворе. Он любил грозу, и она показала себя во всю мощь. Молнии ударяли в землю, и она содрогалась, а громы разрывались прямо над головой, даже уши глохли. Пашко ждал ливня, и он хлестанул, выплескивая широкие потоки воды, купая и омывая одинокого человека посреди большой жизни.